

Морская летопись

ВСЕМ ШТОРМАМ НАЗЛО

В.А. Врубель

Морская летопись

Владимир Врубель
Всем штормам назло

«ВЕЧЕ»

2012

Врубель В. А.

Всем штормам назло / В. А. Врубель — «ВЕЧЕ»,
2012 — (Морская летопись)

ISBN 978-5-4444-0005-0

История русских исследований Севера и Дальнего Востока имеет много драматических и героических страниц. Однако имена многих наших выдающихся исследователей, их великие открытия и свершения, подробности непростых судеб и личные трагедии моряков – практически неизвестны рядовым читателям. Штабс-капитан корпуса флотских штурманов, кругосветный мореплаватель Дмитрий Иванович Орлов, адмирал, путешественник, исследователь Дальнего Востока Геннадий Иванович Невельской, адмирал, кругосветный мореплаватель Василий Степанович Завойко, капитан 2-го ранга, участник Амурской экспедиции Николай Константинович Бошняк, арктические исследователи Георгий Львович Брусилов и Владимир Александрович Русанов и другие герои русского флота предстанут перед читателями.

ISBN 978-5-4444-0005-0

© Врубель В. А., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

От автора	6
Штурман Орлов и леди Макбет из Охотска	8
«Сердце сжалось, я упала духом и залилась горячими слезами...»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

В. А. Врубель

Всем штормам назло

© Врубель В.А., 2012

© ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Эту книгу посвящаю памяти отца,
военного моряка, и мамы.*

Автор

От автора

Однажды в 1970-х годах в букинистическом магазине я купил несколько журналов американского географического общества. Журналы, красочно изданные на прекрасной бумаге, с великолепными снимками, тогда были редкостью, они мне понравились, и захотелось посмотреть ещё. Стал разбираться, какая из ленинградских библиотек их выписывает. Выяснилось – библиотека Географического общества СССР. И вот я в переулке Гривцова, где находятся библиотека и президиум общества. Красивый серый гранитный фасад, старинные двери, стекло, бронза внушают уважение уже при входе. Широкая мраморная лестница ведёт вверх. Тишина. На стенах висят большие портреты президентов Географического общества и выдающихся путешественников, картины. Здание общества каким-то чудом уцелело во время войны, сохранилась и библиотека. Конечно, после революции и войны многое было утрачено, но и то, что сохранилось, произвело на меня огромное впечатление. Когда-то многие мореплаватели и путешественники дарили привезённые из дальних стран раритеты библиотекам. Кое-что уцелевшее было выставлено в библиотечном зале.

Получив журналы, я устроился в маленьком уютном читальном зале, в котором находились столы, покрытые зелёным сукном, и большие бронзовые настольные лампы. За стёклами окон была ленинградская мгла дождливой осени, и казалось, что лучше места не найти. Когда настало время уходить, оказалось, что литературу домой выдают только членам общества. Я затосковал: «Что же мне теперь, на ишаке надо через пустыню Гоби переехать, чтобы вступить в общество?» Но всё оказалось гораздо проще.

Сотрудницы познакомили меня с симпатичным седым мужчиной, который оказался доктором исторических наук Михаилом Ивановичем Беловым, автором многочисленных научных и научно-популярных трудов по истории освоения Русского Севера, организатором раскопок Мангазеи. Михаил Иванович рассказал мне, чем занимается отделение истории географических знаний, которым он тогда руководил. Рассказывал он интересно, и я загорелся желанием поработать в его отделении. Профессор Белов посоветовал мне покопаться в истории плаваний российского флота в девятнадцатом веке. Он же нашёл мне ещё двух рекомендателей из членов общества, и на ближайшем заседании я стал действительным членом Географического общества СССР. Мне пожелали успехов в плавании по безбрежному океану русской истории.

Доверие нужно оправдывать, но с чего начать, я не знал. Когда-то в высшем военно-морском училище нам читали курс истории военно-морского искусства, поэтому в целом историю русского флота я представлял, и мне казалось, что всё известно, в чём же здесь копать? Для начала стал просматривать опубликованные материалы и вскоре понял, что нахожусь в положении путешественника, который лишь начинает своё странствие по огромному континенту. Но неинтересно ходить дорогами, проложенными другими: на них можно найти лишь то, что кто-то потерял. Нужно было выбирать свой собственный путь, и я начал его с Центрального государственного архива военно-морского флота. После Географического общества архив был вторым сильным впечатлением. Его здание специально построено для этой цели, как и здание в переулке Гривцова. Огромной толщины стены, гасящие все звуки шумного города, тяжеленные железные двери, напоминающие замок Кашея Бессмертного, читальный зал со столами, заваленными делами, за которыми, не поднимая головы, работают исследователи, вызвали почтительный трепет. Позже я понял, что работа в архиве затягивает не меньше, чем игроков – азартные игры в казино. Сначала мне казалось удивительным, что сотрудники архива, имеющие все эти золотые россыпи под ногами, редко защищают диссертации, в то время как постоянно работают с документами. Но потом понял, что у них на это просто нет времени: чтение исторических документов захватывает сильнее любого детективного романа.

Скоро я почувствовал, что и меня тянет в архив, как пьяницу – в кабак. Днём я занимался контролем разработки новейшей системы вооружения, а вечером сломя голову нёсся в архив, чтобы трепетно просматривать подлинники, написанные больше столетия назад. Конечно, мог это делать не каждый вечер, потому что приходилось месяцами находиться на испытаниях на севере и на юге, ездить в длительные командировки в сибирские города, на Урал, на Дальний Восток и Камчатку. Самые привлекательные командировки были в Севастополь, и не потому, что там «море Чёрное, песок и пляж», а потому что этот город, в котором я родился и провёл свою юность, буквально пропитан историей русского флота. Кроме того, в севастопольской военно-морской библиотеке сохранились редчайшие издания, вывезенные в годы войны в безопасное место на Кавказ. Библиотека создавалась в основном на средства морских офицеров, в совете её директоров были люди, чьи имена составляют славу отечественного флота. Чем больше узнавал я в архивах о русском флоте и морях в XIX веке, тем больше приходилось читать историческую литературу, мемуары, исследования, чтобы полнее представить себе обстановку, в которой разворачивались изучавшиеся мною события и биографии.

Моим третьим сильным впечатлением была Центральная военно-морская библиотека в Инженерном замке. Это удивительное хранилище книг – настоящая сокровищница для исследователей и вообще для любого человека, который не считает себя Иваном, не помнящим родства. То, что её удалось сохранить в смутные «перестроечные» и постперестроечные годы – заслуга её крошечного коллектива, который не разбежался, даже когда её сотрудникам месяцами не платили и без того оскорбительно маленькую зарплату. Инженерный замок – самое достойное для неё место. Помимо уникальных изданий на русском языке в ней огромное количество книг на иностранных языках. Поэтому я наслаждался чтением старинных английских, американских книг и журналов. Очень интересные книги встречались на польском и французском языках. Должен сказать, что во всех библиотеках и архивах мне повезло общаться с очень интеллигентными, доброжелательными и умными людьми, к тому же настоящими подвижниками, а точнее, подвижницами, потому что там работали в основном женщины. Они оберегали то, что, на мой взгляд, дороже ценностей, хранящихся в Алмазном фонде, – историю отечества. И получали за свои труды от государства нищенскую зарплату. Меня всегда поражало подлое, иначе и не назовёшь, отношение властей предрежащих к культуре и истории. Порой кажется, что безнравственность нашего общества начинается с зарплат учителям, библиотекарям, работникам архивных учреждений. В Центральной военно-морской библиотеке (ЦВМБ) работали и бывшие морские офицеры, как правило, люди высочайшей эрудиции и культуры. Общение с ними обогащало знанием как далёкого прошлого, так и того, чему живыми свидетелями были они сами. Какое счастье, что её коллектив и многие порядочные люди помешали уничтожить ЦВМБ, как собирались это сделать, переведя её в какое-то другое, совершенно неподходящее здание, ретивые исполнители желаний городских властей при первых двух градоначальниках.

Когда же я попал в Публичную библиотеку, то вместо восторга, который предвкушал, испытал тяжёлое чувство подавленности. Невероятное количество книг приводило к осознанию, какая же каждый из нас песчинка не только в мироздании, но и в короткой истории разумного человечества. В рукописном фонде Публичной библиотеки меня ждали открытия, не менее захватывающие, чем в архиве.

Беда каждого исследователя в том, что человеческая жизнь коротка, а чтобы осмыслить какое-нибудь историческое событие, приходится изучить огромное количество документов, разбросанных к тому же по различным фондам и делам. Зато какое удовлетворение получаешь, когда знакомишь читателя с неизвестными или малоизвестными ему фактами. Для этой цели и написана книга, а выводы из фактов каждый может сделать сам.

Штурман Орлов и леди Макбет из Охотска

1837 год. Охотск – небольшой посёлок на берегу моря, высокопарно именуемый городом в официальных бумагах. Оплот Российской империи на восточном побережье.

Воздух сырой, нездоровый, пропитанный зловонием от ям с кислой рыбой, которой кормят ездовых собак. Вечные туманы с моря, мелкий дождь, будто застывший в воздухе, постоянный пронизывающий ветер. В июне бывает снег. Ни травы, ни кустика, ни деревца. Мужчин в два раза больше, чем женщин. И те и другие в основном из ссыльнокаторжных. Пьянство, взяточничество, разврат, цинга, туберкулёз, сифилис, проказа. Дороговизна, денег не накопишь. Единственное развлечение – карты и летняя ярмарка, если, конечно, придёт барк Российско-американской компании «Шелихов» с товарами. Вход в порт опасный, не проходит и года, чтобы не разбилось какое-нибудь судно.

9 июня в доме, где квартировал состоявший на службе в Российско-американской компании подпоручик корпуса флотских штурманов Дмитрий Иванович Орлов, светились не закрытые ставнями окна, хотя было далеко за полночь. Подпоручик играл в бостон с приятелями, охотским исправником Пахомовым, стряпчим Васильевым, земляком и давнишним приятелем Пахомова, и купцом Портновым. Наконец игра закончилась. Пахомов подошёл к подоконнику, где стоял графин с водкой. Грохот выстрела, звон разбитого стекла и шум от падения навзничь грузного тела слились в один звук.

На следующий день весь город бурлил от слухов. Пуля пробила исправнику грудь и левую руку около плеча. Ему повезло. После тяжёлого ранения он остался жив. Пахомова отвезли домой, где за ним ухаживала жена. К раненому приставили также и дежурного фельдшера. Преступника по горячим следам найти не удалось. Да и какие следы можно обнаружить при бесконечном проливном дожде в непролазной грязи улицы?

Следствие поручили вести окружному судье фон Фиргину. Задача оказалась непростой. На классический вопрос, кому выгодно убить главу уездной полиции, версий нашлась уйма. Должность, а в особенности личные качества жертвы, давали для этого массу поводов многим обитателям не только Охотска, но и всего округа.

Свидетели – Орлов, Васильев и Портнов – убийцу не видели, ничем следствию помочь не могли. На вопрос окружного судьи, почему не выскочили на улицу, чтобы схватить убийцу, ответили, что испугались, но позже немедленно сообщили в полицию.

Скорби по поводу покушения на исправника в Охотске заметно не было, в том числе у собутыльников и у жены. Она была в два раза моложе Пахомова, замуж выдана насильно. Не раз молодой женщине приходилось неделями сидеть дома, дожидаясь, пока сойдут синяки с лица, после того как она попадала под пьяную руку мужа.

Каждый день раненого исправника навещали Орлов и остальные участники рокового вечера.

Местный царь, он же начальник Охотского порта, капитан 1-го ранга Захар Захарович Балк, спал и видел, когда ему придёт замена, поскольку отслужил положенные по контракту пять лет и давно сидел на чемоданах. И вдруг, как снег на голову, покушение на убийство важного чиновника. Могли возникнуть осложнения, и вместо Петербурга, возможно, придётся ему ещё бог знает сколько сидеть в этой проклятой дыре. Раздосадованный капитан 1-го ранга не давал покоя фон Фиргину, чтобы тот поскорее завершил дело. Тем более, что Пахомов остался жив, хотя и находился в тяжёлом состоянии. Ежедневные начальственные разносы заставили судью действовать. Он арестовал чиновника Серебренникова, на которого указал раненый Пахомов как на возможного убийцу. Однако тот представил неопровержимое алиби. Подозреваемого пришлось выпустить. Ну, не сажать же по очереди всех обитателей Охотска!

У Фиргина постоянные вызовы к начальнику порта уже сидели в печёнках. Он подумал и написал заключение, суть которого сводилась к невозможности раскрыть преступление. Опечатав сургучными печатями пухлый том со следственными материалами, доказывавшими его бурную деятельность, отправил их в Иркутск, в надежде, что видит эти бумаги в последний раз.

Орлов ушёл в плавание на Курильские острова по заданию правителя охотского отделения компании и должен был вернуться к концу навигации. Он командовал компанейским ботом «Уналашка».

Балк благополучно дождался сменившего его капитана 2-го ранга Николая Викуловича Головнина и, сдав ему дела, тут же уехал. На место Пахомова прочили Васильева. Всё шло как нельзя лучше.

Но тут случилось неожиданное. Пахомов, обладавший богатырским здоровьем, стал на глазах поправляться. Он уже рассказывал, как поступит с преступником, который покушался на него, когда его найдёт, а заодно пообещал неприятностей и фон Фиргину, который, как он считал, палец о палец не ударил, чтобы обнаружить убийцу. Обо всём раненый пристав сообщил в письме своей родне в Иркутск.

Фиргин загрустил, однако опять случилось непредвиденное.

5 сентября столь быстро шедший на поправку Пахомов неожиданно скончался.

По городу, где покушение на пристава обсуждалось в каждой избе, вновь поползли слухи.

Орлов не пришёл проводить в последний путь своего приятеля. Бот «Уналашка» по неизвестной причине в Охотске не появился, и где он, никто не знал. Теперь предстояло ждать его появления в следующем году, когда начнётся навигация.

Лето в Охотске заканчивается, едва начавшись. С наступлением холодов, когда стало возможным ехать на нартах, вдова исправника Наталья, распродав и раздарив всё имущество, взяла детей и отправилась в Иркутск, к родным. Её сопровождал стряпчий Васильев, который тоже торопился в столицу Восточной Сибири. В Иркутске решался вопрос его назначения на место Пахомова – это Васильев спал и видел. Но дорогу из Охотска в Иркутск можно было видеть только в кошмарных снах.

Сквозь весь ужас охотского тракта Наталья Пахомова прошла с двумя крошечными детьми. В пути не раз пожалела, что решилась на столь рискованный шаг, но и остаться в Охотске не могла.

Когда добрались до Якутска, ударили жестокие морозы. Пахомова с детьми остановилась в доме почтальона. Хозяин дома и его жена оказались душевными людьми. Они уговорили Наталью оставить дочь у них: при такой погоде двух детей ей живыми до Иркутска было не довезти. За девочкой она сможет приехать позже, когда морозы ослабеют, или поручит это надёжным знакомым. Пахомова доводу рассудка вняла, и со слезами оставила дочь у добросердечных хозяев.

Между тем многочисленная и влиятельная родня Пахомова кипела негодованием: убийцу не нашли, а дело закрыли. Брат покойного, иркутский чиновник, обратился с жалобой к самому генерал-губернатору. Тот распорядился проверить дело.

Труд фон Фиргина может служить классическим пособием, как нельзя работать. Дело немедленно отправили в Охотск начальнику порта с требованием взять под контроль повторное расследование. При этом в сопроводительной говорилось, что вести следствие нужно «с примерною осторожностью, согласно узаконений, отнюдь не ослабляя силы». Нет бы новому начальнику порта Головнину прислушаться к доброму совету, ведь и Фиргин не случайно стал судейским, тоже имел родню в Иркутске. Мёртвого-то всё равно не воскресить. Но Николаю Викуловичу хотелось поскорее утвердиться и завоевать авторитет быстрыми и решительными действиями. Капитан 2-го ранга принялся за дело с большим рвением. Для начала он создал целую следственную комиссию во главе с подполковником корпуса флотских штурманов Петром Ивановичем Ильиным, человеком жёстким и бескомпромиссным. Да иным и не мог быть

офицер, в одиночку на байдарке обошедший всю Камчатку и побережье Охотского моря. Почтмейстеру Головин дал указание перлюстрировать письма, чем тот, впрочем, никогда не брезговал заниматься и раньше, но по личной инициативе и для удовольствия своего и супруги. Теперь же он делал это с чистой совестью, выполняя ответственное государственное поручение.

Его труды вскоре принесли важные для следствия результаты.

Выяснилось, что Орлов и Пахомова были любовниками. Вообще-то говоря, это была не новость. В крошечном городке, где от чужих глаз ничего не скроешь, все давно это знали. В неведении находились только Головин, как человек новый в этих краях, и, разумеется, покойный муж.

Головин затребовал от компании личное дело подпоручика Орлова. Российско-американская компания была непростой организацией. В число её акционеров входили особы императорской фамилии, руководило ею главное правление, прочно обосновавшееся в Петербурге, а непосредственные дела на местах вершили морские офицеры, в подчинении которых находился военный и гражданский люд, служивший в компании. Тяжелейшие условия быта в какой-то мере компенсировались высокими денежными окладами, ускоренной выплатой к пенсии и ещё рядом льгот, поэтому попасть туда служить было непросто. Особенно тщательно подбирались командиры компанейских судов. Только очень опытные и смелые мореходы могли плавать на маленьких парусниках в Беринговом и Охотском морях, где осенью свирепые штормы, зимой и весной льды, а летом туманы.

Дмитрию Ивановичу Орлову в ту пору было тридцать два. Несмотря на молодость, он считался прекрасным моряком и не просто хорошим, а талантливым штурманом и умелым командиром.

Его отец, канцелярист Ревельской таможни, когда сыну стукнуло 12, отдал мальчика в штурманское училище. Орлов закончил его одним из лучших. Служба началась сразу с дальних плаваний. Способного штурманёнка заметил знаменитый мореплаватель Фёдор Петрович Литке. Он взял его с собой в кругосветное плавание на шлюпе «Сенявин».

По возвращении в Кронштадт Орлова за отличие в службе досрочно произвели в прапорщики корпуса флотских штурманов, а к жалованью по высочайшей милости велено было доплачивать ежегодно 270 рублей, которые он получал по своему званию кондуктора во время плавания с Литке. Затем Дмитрий Орлов плавал в учебной эскадре под командованием Литке. Ему довелось ходить к берегам Исландии в качестве штурмана на фрегате «Анна».

Однако служба на Балтике, где плавали мало, а маршировали на плацу много, его не привлекала. Он попросился на службу в Российско-американскую компанию, с начальством которой познакомился во время плавания на «Сенявине». Литке дал своему воспитаннику прекрасную аттестацию, которую потом не раз подтверждали правители колоний, начиная с Ф. Врангеля. В компании он быстро делал карьеру, и вскоре уже командовал судном. Большое жалованье, перспектива продвижения по службе, престижное положение в местном обществе, личное дворянство по чину – словом, всё складывалось как нельзя лучше.

В Охотске Орлов сдавал для отправки в Иркутск дорогие меха, китовый ус, моржовые клыки и другие ценности, которыми загружал судно на Курильских островах или в Ново-Архангельске, а на обратном пути брал товары для колонии.

В 1835 году ему довелось зимовать в Охотске. Он хорошо играл на флейте и подружился с таким же любителем музыки стряпчим Борисом Васильевым. Подпоручик к тому же неплохо рисовал, ему даже заказывали картины. В общем, личностью он был незаурядной, нрава весёлого, и его приглашали на все вечеринки.

На одной из них жена исправника, Наталья Пахомова, встретила взглядом с Дмитрием Орловым и словно утонула в его чёрных глазах. Орлов был очень хорош собой. И Наталья потеряла голову. Они стали тайно встречаться. Сначала это заметила прислуга, от которой при-

шлось откупаться вещами и деньгами. Затем Орлову и Пахомовой поневоле пришлось доверить свою тайну друзьям. Те помогали им устраивать свидания, передавали письма и записки.

Пахомова, у которой в предыдущие годы замужества не было детей, родила дочь, а затем сына. В Охотске поговаривали, что дети на редкость похожи на Орлова, с такими же чёрными глазами.

Комиссия стала разматывать дело, потянув за эту ниточку. Первой дала показания прислуга, заявив, что раньше лгала на следствии из-за угроз стряпчего Васильева. Появились сведения, что Орлов и Пахомова пытались отравить исправника. Головнин приказал арестовать Орлова и Васильева, как только они появятся в Охотске, и сообщил в Иркутск о подозрениях в отношении Пахомовой.

После зимовки на Курильских островах Орлов на «Уналашке» вернулся в Охотск, где 20 июня 1838 года был сразу же схвачен и посажен на гауптвахту. Кстати, на гауптвахте он узнал, что ему присвоено звание поручика.

Васильев, назначенный на вожделенную должность исправника, был арестован 18 августа на подъезде к Охотску. Наталью Пахомову арестовали в Иркутске раньше всех, 15 июня. Переписка по этому делу между Охотском и Иркутском пересылалась с нарочным казаком, причём по предписанию рачительного губернатора Пятницкого, великого взяточника и вора, за счёт виновных.

Арестованные от своей вины дружно отказались, а Орлов и Пахомова категорически отрицали какие-либо отношения, кроме обычного знакомства: в Охотске все друг с другом знакомы. Не помогли и «увещевания» Орлова священником. Батюшка, как и прочие обитатели этого славного городка, особой святостью не отличался, посему и увещевания его пользы не принесли.

Что касалось показаний прислуги, ссыльной девки, или сторожа-якута, и других свидетелей, многократно менявших свое мнение, то членам следственной комиссии было ясно: на таком фундаменте дело не построишь.

И всё-таки комиссия, понукаемая начальником порта, понемногу выясняла всё новые и новые подробности. Правда, часть членов следственной комиссии Головнину пришлось сменить за многочисленные нарушения, самое малое из которых было, когда пьяный следователь выставил среди бела дня из своей квартиры на улицу голую дочь сторожа, не менее пьяную, чем он сам.

Головнин понял, что сделал огромную глупость, открыв этот ящик Пандоры. Лавров на этом деле не заслужишь, зато врагов наживёшь множество, но назад хода не было.

За свидетелей принялись так, что те уже не прикидывались идиотами с детства, не отделивались скупыми «не знаю, не слышала, не ведаю», а исправно вспоминали всё, даже то, чего не было. Методы убеждения на Руси испокон веков бывали достаточно изощрены. Многоопытный стряпчий Васильев предупреждал Наталью, чтобы она уничтожила все письма и записки Орлова, что рано или поздно у неё будет обыск, и ей ни в коем случае нельзя писать никаких писем возлюбленному, пока всё не уляжется. Об этом же просил её и Орлов перед уходом в плавание. Пахомова письма и записки Орлова уничтожила, хотя и не сразу. Когда в доме, где она снимала жильё, провели внезапный обыск, то не нашли ни одной бумаги, подтверждавшей связь с Орловым. И всё же нестерпимая тоска по любимому человеку заставили её, невзирая на опасность, о которой предупреждали друзья, нарушить обещание и, утратив осторожность, взяться за перо.

Одно письмо она оставила перед отъездом у друзей, которым доверяла. Те поклялись сразу же передать его Орлову, как только он вернётся в Охотск. Ей и в голову не могло придти, что обыски пройдут по всему городу и письмо попадёт в руки следствия. Последующие письма, вложенные в чужой конверт, адресованный друзьям, обнаружил почтмейстер и передал начальнику порта, а тот – в следственную комиссию.

Письма молодой женщины преисполнены глубокой любви и тоски по дороговому человеку. В них беспокойство от неведения, где он находится, жив ли. Гибель компанейских судов была делом обычным. К этим переживаниям добавилась тревога об оставленной в Якутске дочери.

Из писем видно, что Наталья считала отцом своих детей Орлова. Одно из них заканчивалось так: «...Боже мой! Настанут когда эти минуты нашего свидания? Я теперь утешаю себя той мыслью, что ты теперь в походе, или уже в Охотске собираешься в дорогу ко мне, и с той мыслью с тобою прощаюсь. Занятие теперь моё всё для тебя, работаю с сыном, которым я не менее занята. Такой милашка, начинает ходить, теперь прости, друг мой! Уже до свидания, береги своё здоровье, которое всего для меня дороже на свете, прости, мой бесценный! Целую тебя тысячекратно, твоя верная до гроба, но главное моё утешение всякий день прочитываю твои строки и как будто поговорю с тобой, вот, мой ангел, всё моё утешение, в чём только я могу найти».

Обнаруженные письма Натальи Пахомовой были громом среди ясного неба для арестованных и большой удачей для Головнина. Начальник порта потирал от удовольствия руки. Теперь Орлова формально можно было судить за прелюбодеяние. Соответствующая статья в своде законов Российской империи имела. В Отечестве старая истина гласит: был бы человек, а нужная статья всегда найдётся.

Прижатый неопровержимыми доказательствами в виде писем, Орлов сдался и подтвердил, что действительно с 1835 года состоял в любовной связи с женой исправника. К тому времени следствие вышло на человека, который стрелял в исправника, мещанина Ларионова, утверждавшего, что его подговорили на убийство Орлов и Васильев, пообещав за это пять тысяч рублей. Однако те упорно настаивали, что никакого отношения к убийству не имеют. Не помогли ни очные ставки, ни повторные попытки увещевания батюшки, который усердно помогал следствию.

Когда Орлов узнал, что Наталья Пахомова арестована, он прекратил отвечать на вопросы следствия и потребовал перевода его в Иркутск, заявляя, что даст показания лично генерал-губернатору. Никакие угрозы и убеждения на него не действовали. Условия содержания поручика на гауптвахте были таковы, что он заболел цингой и четыре месяца пролежал в местном госпитале.

Неизвестно, сколько бы всё это тянулось, если б не приезд в Охотск капитан-лейтенанта Николая Александровича Васильева, адъютанта светлейшего князя Александра Сергеевича Меншикова. Однофамилец стряпчего с чрезвычайными полномочиями побывал на Камчатке, где разбирался с многочисленными жалобами на местное начальство, и возвращался через Охотск в Петербург. Какие слова нашёл он для Орлова, неизвестно, но ему удалось то, чего не могла добиться комиссия, продержав его десять месяцев в ужасных условиях.

Поручик письменно признался в том, что однажды, находясь в гостях у Пахомова, влил ему в стакан с пуншем, но только не яд, как утверждал один свидетель, а опиум, чтобы тот уснул. Для чего, понятно. Но самое главное, он подтвердил, что подговорил Ларионова убить исправника.

Спустя три дня Орлов написал письмо капитан-лейтенанту Васильеву, похожее на исповедь. Вот оно, это письмо:

«Милостивый государь, Николай Александрович!

Я не хотел нарушать священного союза и старался скрыть любовь в душе, но да будет судьей тому Бог, разжегши таившуюся искру любви, которая вовлекла к гибельнейшим последствиям. Но поистине клянусь, я не был враг душою против себя подобного, не могу винить никого, но вполне виню себя. Первый я вовлёк невинную слабую жертву в ту же страсть, чему способствовало принуждённое супружество. Первый год, хоть и предавшись всей силой страсти, но надеялся я истребить уходом на зимовку на Курильские острова. Судьба определила противное, и вторичная зимовка в Охотске усугубила в полном смысле моё несчастье.

Я хотел скрыть все последствия губительной страсти, но беседа с Вами, милостивый государь, убедила меня в противном, чему я был не чужд, ибо до минуты признания терзала меня совесть. Не знал, на что решиться, слова Ваши врезались в душу, повинуюсь всей силе законов...

Сознаваясь в преступлении, очищая перед Богом и законом совесть, но надеясь на милость государя императора и на сострадание его светлости Александра Сергеевича.

Вот всё, что могу сказать ни к оправданию себя, ни к обвинению других, ибо я один виновник был и есть всему, чему губительная страсть была причиною, не предвидя всего ужаса последствий.

Имею честь быть с истинным глубочайшим почтением, Ваш, милостивый государь, покорнейший слуга, Дмитрий Орлов».

Капитан-лейтенант уехал в Петербург, довольный. По делу об убийстве Пахомова арестовали шесть человек. И хотя в своих рапортах Головнину Орлов брал всю вину на себя, всех остальных этим он от ответственности не спас, и вряд ли тот же стряпчий оценил его «благородство».

Подвергнутая интенсивным допросам Наталья Пахомова после того, как ей предъявили признание Орлова и письма, которые она ему адресовала, призналась, что убила мужа. Видя, что Пахомов быстро поправляется, она не сомневалась, что исправник, сжигаемый чувством мести, докопается до организаторов покушения и Орлову грозит смертельная опасность. Уговорив лекарского помощника дать ей мышьяк, она подмешала порошок в кисель и дала его мужу, после чего тот вскоре скончался.

Наталья написала Орлову: «Друг мой! Вот уже всё кончилось, желание твоё сбылось вполне, всё для тебя сделала, что могла, все мучения могла перенести... Для меня всё равно, где бы и как ни служить, только бы с тобой, всё готова буду перенести, теперь уже нас ничто не может разлучить. Не сомневайся, друг мой, чтобы я могла думать что-нибудь о тебе, хотя и много толковали насчёт твоего невозвращения сюда, но должна это знать, что это не от тебя зависело, а от Бога. ... Теперь живу только тобой, и мысль не покидает меня о тебе ни на минуту, где ты и каково тебе теперь, Боже мой! ... Будь уверен в любви моей к тебе и верности, как я в тебе уверена... Уверена, ангел мой, что не замедлишь своим выездом... и возвратишь жизнь другу, которая тебя будет ожидать с нетерпением. Прости, благослови детей...»

Наталью ожидал страшный удар, когда из документов, предъявленных ей следователем, она поняла, что Орлов умышленно остался зимовать на Курильских островах, чтобы вернуться, когда её в Охотске уже не будет. Слова любимого человека, что он пытался избавиться от «погубительной страсти», ранили её в самое сердце. Жизнь потеряла всякий смысл. Видимо, следователю стало жаль несчастную женщину, и он уже сам дописал в опросном листе от имени Пахомовой: «Я объяснила всё по сущей правде и не имею объяснить ничего более, кроме того, что прошу милостивое правительство пощадить меня, бедную слабую женщину, впавшую в преступление в минуту самозабвения».

Из русского фольклора известно, что чистосердечное признание облегчает душу, но удлиняет срок. Следователи, они же выступали и в роли судей, были людьми, не склонными к сантиментам. «Губительную страсть» Орлова назвали простым русским словом.

Правда, в сентенции суда упомянули всё ту же губительную страсть.

История стара, как мир. Любовь связана иногда не только с разлукой, но и с преступлением. Примеров тому великое множество. Отважный штурман, не раз выходивший победителем из схваток со стихией, растерялся и оказался никуда не годным мореплавателем в житейском море. Он погубил не только себя, но и любимую женщину, оказался орудием в руках своего коварного друга стряпчего Васильева, мечтавшего занять место исправника. Наталья была готова бежать с ним на судне в Америку и вообще, хоть к чёрту на кулички, но командир «Уналашки» предпочёл отсидеться на Курилах.

3 мая 1839 года комиссия военного суда при Охотском порте постановила: поручика корпуса флотских штурманов Дмитрия Ивановича Орлова «казнить смертью».

А вот уж этого начальник порта не ожидал. Отправляя в столицу на утверждение сен-тенцию комиссии военного суда, он написал в сопроводительном документе, что заключение комиссии соответствует законам, но, учитывая, что Орлов провёл более 10 месяцев на гауптвахте, считает достаточным лишить его чинов и сослать в работу, т. е. на каторгу, что тоже особым милосердием не отзывалось.

Почти год после приговора местного суда ждал Орлов на гауптвахте решения своей участи. Почта шла месяцами. Наконец из Петербурга пришла бумага от морского генерал-аудитора: лишить чинов и дворянского состояния, сослать в Сибирь на поселение. На ней – резолюция царя: «Быть по сему. Николай. Санкт-Петербург. 14.1.40 г.»

Ссылать дальше было некуда. Посему Орлова определили на жительство в крошечную деревушку к северу от Охотска. Все двери в Охотске были для него закрыты. Бывшие приятели и добрые знакомые, увидев его на улице, отворачивались.

Чтобы заглушить горе, он пошёл проверенным российским путём – стал пить. Сначала выпивал по полбутылки вина, потом счёт дошёл до трёх бутылок вина в день. Видя, что оставшихся денег на вино не хватает, оставил эту благородную привычку и перешёл на водку, а потом и вообще пил любую дрянь, лишь бы пришло забытьё. Когда закончились последние копейки и были распроданы остатки имущества, хозяева избы, где он снимал угол, деятельно помогавшие ему всё пропить, вышвырнули штурмана на улицу.

Он стал бродягой. Таким его увидели и приютили тунгусы, которые не забыли, как в голодный год, когда к берегам Охотска не пришла рыба, он спас их семью от голода. Тогда у аборигенов погибли все ездовые собаки. Их хозяев от смерти спасали лишь пожертвования частных лиц, у властей денег, как всегда, не было.

Чтобы как-то прокормиться и не сидеть на шее у тунгусской семьи, Орлов собирал ягоды, выращивал хрен и другие овощи, ловил рыбу и всё это продавал в Охотске. Вырученных денег хватало на хлеб и водку.

В 1842 году в Охотск приехал новый начальник фактории Российско-американской компании Василий Степанович Завойко. Перед отъездом из Петербурга Литке и Врангель посоветовали ему обратить внимание на бывшего поручика.

Завойко и самому доводилось раньше встречаться с Орловым. Трагическая судьба командира компанейского судна не оставила его равнодушным.

Он послал за ним казака. Когда штурмана привели к бывшему сослуживцу, перед Завойко предстал не жизнерадостный подтянутый красавец-моряк, с которым он когда-то встречался, а опустившийся бродяга с безразличным взглядом. Между ними состоялся суровый мужской разговор, круто поменявший судьбу Орлова.

Переписка о переносе Охотского порта в более пригодное для мореплавателей место тянулась целое столетие, но реально никакие шаги не предпринимались. Завойко приехал с твёрдым намерением сдвинуть мёртвый камень с места, по крайней мере, перенести факторию в Аянский залив, более удобную бухту, окружённую кольцом невысоких гор. Сначала следовало провести разведку. Для этого нужен был верный помощник, на которого можно было бы положиться, как на себя самого.

Орлов когда-то имел репутацию не только великолепного штурмана, но и надёжного, обязательного человека. Но это было в прошлом.

И всё же Завойко рискнул, доверился бывшему штурману.

В мае того же года Завойко, Орлов и несколько матросов направились в Аянский залив на китобойном вельботе, ведя за собой на буксире лодку с провизией. В 120 верстах от Охотска льды прижали их к берегу. Моряки с трудом вытащили вельбот и лодку на сушу, чтобы их не раздавило льдами. Девять суток провели они на берегу, слушая по ночам в палатке скрежет

льдин, дожидаясь, когда появится возможность двигаться дальше. Завойко нервничал. Он мог опоздать к приходу компанейских судов, за разгрузкой и погрузкой которых обязан был наблюдать лично. Не выдержав, он поручил Орлову продолжить исследования, а сам в одиночку на лыжах пошёл обратно. Реки уже разлились, и Завойко переправлялся через них на льдинах. Рискуя жизнью, добрался он до Охотска и успел встретить суда.

Орлов тщательно обследовал бухту и вернулся с материалами, ознакомившись с которыми, начальник фактории убедился, что штурман не утратил ни прежних навыков, ни свойственной ему добросовестности.

На следующий год, снова в мае, Орлов со знакомым тунгусом на туземной лодке отправился в Аянский залив. Завойко поручил ему произвести опись залива и детально ознакомиться с местностью. В пути понадобилось переделать лодку, подняв у неё борта. Но это не помогло: как и в первый раз, её едва не затёрли льды. Орлов и его проводник вытащили лодку на берег и пережидали несколько суток, пока льды не отойдут от берега, чтобы можно было продолжить путь.

В пути Орлову пришлось нанять ещё двух тунгусов. Он хорошо говорил на их языке, которому научился, живя с тунгусской семьёй. У штурмана были музыкальный слух, прекрасная память и очевидные лингвистические способности. Он легко устанавливал контакты с коренным населением, потому что не только легко осваивал языки народов, населявших Охотский край, но и внимательно изучал их обычаи, относился к ним с уважением. Не удивительно, что ему платили взаимной симпатией, называли его только по имени-отчеству, а не по имени, как остальных русских.

В компании с новыми помощниками Орлов составил полную опись Аянского залива, осмотрел берег Охотского моря до устья реки Уды. Там он впервые получил сведения от местных жителей об Амуре. На берегу Аянского залива Орлов занялся подготовкой лесоматериалов для строительства. Завойко направил в Аянский залив одно из судов компании под командованием прапорщика корпуса флотских штурманов П. Гаврилова, чтобы помочь с описью. Однако помощь не понадобилась, Гаврилову оставалось лишь доставить документы в Охотск.

С журналом и картами, составленными Орловым, начальник фактории поехал в Иркутск, доложил о командировке в представительстве компании, нанял опытного промышленника Алексея Павловича Березина и якутов-мастеровых. Березину и нанятым якутам он поручил по компасу пройти от Нелькена до Аянского залива. Там они поступали в распоряжение Орлова, которому Завойко выделил в помощь четырёх служащих компании. Одним из них был поручик Савин, вызвавшийся добровольцем. Перед зимовщиками ставилась задача выяснить, когда происходит вскрытие залива ото льда, а фактически это была проверка условий жизни на берегу Аянского залива.

Ситуация сложилась необычная: ссыльный Орлов, лишённый воинского звания и всяких гражданских прав, командовал людьми, находившимися на службе. В августе прибыл Завойко на бриге «Промысел», который доставил запас продовольствия для зимовки. Протоиерей освятил закладку Аяна, и Орлов с товарищами приступил к строительству. В начале зимы пришёл Березин с якутами-рабочими.

За зиму Орлов вместе со своими помощниками построил всё необходимое для переноса фактории: дом управляющего, казарму, баню, кузницу, юрту под склад, пакгауз. Офицеры, разжалованный и действительный, работали наравне с остальными.

Зима выдалась трудная. В тот год к берегам Охотского моря вновь не пришла рыба. У местных жителей начался голод. Кормить собак было нечем. На счастье, море выбросило неподалёку на берег раненого кита, мясо которого спасло многих от голодной смерти. Голодающие тунгусы приходили в Аян, и Орлов организовал для них питательный пункт, делясь своими запасами. Однако разыскивать голодающих по стойбищам возможности не было – кормили только тех, у кого хватало сил добраться до Аяна.

Завойко сообщил о голоде в Иркутск генерал-губернатору Вильгельму Яковлевичу Руперту, но не только помощи не дождался, но и ответа. Тунгусы могли бы прокормиться и охотой, но у них не было ни пороха, ни свинца, которыми их взялись обеспечивать иркутские власти. Казённые припасы не поступили. Исправник, обязанный принимать меры для их получения, отнёсся к этому спустя рукава. В результате многие тунгусы погибли мучительной голодной смертью.

С разрешения Завойко Орлов выдавал приходившим к нему тунгусам порох и свинец из запасов компании.

Березин и якуты-строители добрались до Аяна, когда непроходимые болота уже замёрзли. Проблема зимнего пути была решена.

Проверку летнего пути выполнили Завойко, Орлов и десять человек матросов. Перед выходом в поход Завойко лично проверил экипировку каждого участника экспедиции. В пути они разделялись с Орловым, шли разными маршрутами каждый с пятью матросами, а затем, встречаясь в условном месте, обсуждали, какой из маршрутов лучше. Орлов вёл записи, определяя координаты пути. Шли пешком. Все необходимые инструменты, продовольствие несли на себе. От острых камней на склонах гор их обувь превратилась в лохмотья. То, что от неё осталось, обматывали тряпками. Ступни ног покрылись сплошными ранами. Завойко и Орлов переносили мучения молча, матросы постоянно жаловались, и если бы не пример командиров, наверное, не сдвинулись бы с места. На привалах Завойко, вспоминая, чему его учил отец, флотский лекарь, лечил раны свои и у матросов, ломая голову, какой найти выход из положения.

Однажды, спускаясь с очередной горы, увидели на широкой поляне огромное количество муравьиных куч, между которыми лежали коровы. Завойко обрадовался, полагая, что рядом находится жильё якутов, где они смогут изготовить обувь. Подойдя поближе, увидели, что это не коровы, а...медведи. Мишки, наевшись муравьёв, пребывали в блаженном состоянии от муравьиной кислоты, действовавшей на них, как наркотик. Завойко приказал подстрелить шесть медведей, что не составило труда. Остальные звери разбежались. С убитых медведей сняли чулком шкуру с лап. После несложной обработки получилось что-то вроде сапог. Вид путешественников в этих «сапогах» представлял фантастическое зрелище, заслуживавшее кисти художника, зато вопрос с обувью решился. Завойко и Орлов обработали водкой раны на ногах у себя и у матросов, обложили ступни медвежьим салом и перебинтовали. Не нужно было беспокоиться и о продовольствии, с собой захватили достаточный запас медвежатины, подкопченной на костре. После двухдневного отдыха двинулись дальше. Народное средство помогло. До Якутска дошли благополучно.

Поход Завойко и Орлова позволил наметить трассу дороги, которую позже постарались по возможности обустроить. Через каждые 60 вёрст поставили юрты, в которых поселили семьи якутов и сосланных русских сектантов. Они обязаны были следить за дорогой, а власти взамен оказывали им материальную помощь. У сибирского начальства была вначале замечательная идея поселить вдоль пути преступников, отбывающих наказание. Завойко стоило большого труда убедить не делать этого. Можно только догадываться, что бы вышло из начальственной затеи.

Весной 1844 года Дмитрий Иванович получил новое задание от Завойко: исследовать возможность водного пути от посёлка Нелькан до Якутска, пройти по рекам Мае, Алдану и Лене. Была идея устроить пароходное сообщение, но по результатам, доставленным Орловым, пришли к выводу, что перевозка возможна только бечевой, когда судно продвигалось с помощью каната, который тянули по берегу люди или лошади.

Нигде человек так быстро не раскрывается, как в совместном путешествии, особенно если это путешествие весьма рискованное. Завойко и Орлов увидели, что могут вполне дове-

рять друг другу, к тому же Дмитрий Иванович испытывал к начальнику фактории чувство глубокой благодарности за то, что тот спас его от безысходности, в которой он оказался.

Завойко поручил Орлову нанять тунгусов со стадом оленей и обследовать на оленях окрестности Аяна. Но это была версия для всех остальных. На самом деле он дал Орлову секретную устную инструкцию следовать к устью Амура и произвести точный промер бара реки (Бар – это поперечная гряда близ устья реки, образовавшаяся от осадков выносимого рекой грунта. – *Примеч. авт.*). Кроме того, Орлову предстояло установить время замерзания реки и вскрытие льда, пройти от Амура до Кореи, чтобы выяснить, чья власть в тех краях, расспросить местных жителей о Сахалине, заливах и гаванях вдоль Татарского пролива.

Дело в том, что разговоры об Амуре шли давно. В XVII веке русские основали на Амуре крепость Албазин. Однако бесчинства, грабежи, насилия казаков привели к тому, что маньчжуры выбили русских с Амура. Не помогло никакое геройство Пояркова, Хабарова, Толбузина и других. Россия подписала Нерчинский договор, по которому крепость Албазин ликвидировали.

Все большие сибирские реки текут в Ледовитый океан, и лишь Амур – на восток. Россия нуждалась в водной артерии для перевозок на восточное побережье. Мысль многих государственных деятелей постоянно возвращалась к Амuru.

Басня о том, что это никому не приходило в голову, кроме Г. Невельского, гуляет с лёгкой руки нескольких писателей и историков советского времени, создавших сусальный образ подвижника, борца с глупыми царскими министрами, не радевшими за Россию, и в, некотором роде, даже вредителями. Автор ни в коем случае не собирается никого развенчивать, отдаёт должное деятельности этого незаурядного человека, столь много сделавшего для присоединения Амура к России, но полагает, что приписывать Невельскому несуществующие заслуги нет необходимости: сделанного им вполне достаточно, чтобы навсегда остаться в народной памяти.

Подданным Российской империи запрещено было под страхом сурового наказания приближаться к Амuru. Чёткой границы с Китаем не существовало, посему, учитывая, что Россия постоянно вела войны в Европе, правительство стремилось избежать войны на востоке. При российских дорогах и расстояниях, пока подошли бы подкрепления, война могла давно закончиться. Выгодней было не ссориться с южным соседом, торговля с которым через пограничный город Кяхта давала немалый доход казне.

Орлов понимал, чем рискует, если поднимется международный скандал; понимал и Завойко, посылая его на столь опасное дело, потому и хотел сохранить всё в глубокой тайне.

Секретная экспедиция Орлова заняла несколько месяцев. Вернувшись, он доложил Завойко, что на баре Амура глубина составляет от 8 до 9 футов, длительность навигации в лимане не превышает трёх месяцев. За Амуром до Кореи крупных оседлых поселений нет, кочуют представители разных местных народов, китайцы, корейцы, тунгусы, якуты, которые промышляют зверя, копают корни для торговли с китайцами и ничьей государственной власти над собой не признают. На Сахалине и в устье Амура кочуют гиляки – рослые и крепкие на вид люди. Когда вскрываются реки, по ним спускаются китайцы и маньчжуры и меняют у местных жителей на меха, корни и панты порох, водку и другие товары. Всё выменянное у китайцев незамедлительно пропивается, кроме жизненно необходимого пороха. По докладу Орлова Завойко пришёл к выводу, что ставить вопрос о переносе фактории из Охотска на Амур нецелесообразно: судам с большой осадкой в реку не войти – и окончательно остановился на Аяне. В то же время он считал, что нужно искать незамерзающую гавань южнее Амура.

Материалы с результатами экспедиции на Амур и в Приморье, подготовленные Орловым, Завойко отправил секретной почтой в Петербург, главному правлению компании.

Ответа он не получил. Выводы Орлова о том, что китайцев в устье Амура нет, а живущие там народности не зависимы от Китая, подтверждали сведения, которые ещё в 1831 году собрал

капитан корпуса флотских штурманов Прокопий Тарасович Козьмин, занимавшийся описью Шантарских островов и части Охотского побережья.

История присоединения к России Амура, Сахалина и Приморья – это подвиг людей, перенесших неслыханные лишения, борьба честолюбий, многоходовые интриги тех, кто дальше Петербурга не выезжал, но зато вершил всеми судьбами.

В тот год, когда Орлов обследовал водный путь из Аяна, на юго-восточное побережье Охотского моря направили экспедицию двадцатидевятилетнего сотрудника Академии наук Александра Фёдоровича Миддендорфа. Почему-то во всех исторических трудах её называют экспедицией академика Миддендорфа, хотя он им тогда не был. Этот молодой человек по возвращении доложил, что прошёл вдоль границы с Китаем, обозначенной горами конической формы. По его отчёту выходило, что Амур и Приморье относились к владениям соседнего государства. Копия отчёта поступила в Министерство иностранных дел. Там решили, что Амур лучше оставить в покое.

В 1845 году последовало высочайшее разрешение Орлову вновь поступить на службу в Российско-американскую компанию. Его произвели в самый низший, 14-й класс. Добился этого Завойко, упорно хлопотавший за моряка. Тогда же был официально закреплён перевод Охотской фактории в Аян.

В 1846 году по ходатайству Завойко, поддержанному правлением компании, Орлов получил полное прощение. «За усердие по службе» его произвели 14 мая 1847 года в коллежские регистраторы, а позже (это случилось в 1850 году) переименовали в прапорщика корпуса флотских штурманов.

И всё же Амур продолжал занимать умы многих людей, в том числе и на высоких государственных постах.

В 1846 году по заданию правительства Российско-американская компания приняла на себя все расходы по секретной разведывательной экспедиции на компанейском бриге «Константин» под командованием подпоручика корпуса флотских штурманов Александра Михайловича Гаврилова. Экспедицию направили из Ново-Архангельска для исследования устья Амура. Гаврилов осмотрел часть амурского лимана и сделал промеры северного фарватера входа в реку. Полученные результаты оптимизма не внушали – везде оказались небольшие глубины. Всех участников экспедиции наградили, Гаврилов получил премию в 1500 рублей. Доложили царю, и тот согласился, что Амур – бесполезная для России река.

Однако так думали не все. Капитан-лейтенант Геннадий Иванович Невельской был глубоко убеждён, правда, из чисто умозрительных соображений, что Амур с моря доступен для морских судов. Ими он поделился с вновь назначенным генерал-губернатором Восточной Сибири Николаем Николаевичем Муравьевым.

Тот выслушал капитан-лейтенанта с большим интересом. Генерал внимательно изучил всю историю вопроса, и то, о чём говорил моряк, совпадало с его собственными мыслями, а главное, с желаниями. Выгоды от водного пути при сибирском бездорожье переоценить было невозможно. Он поддержал Невельского, назначенного командиром небольшого транспорта «Байкал», которому предстоял путь на Камчатку, и пообещал получить разрешение на обследование устья Амура.

Невельской планировал сдать в Петропавловске груз и до конца навигации успеть исследовать устье Амура.

Завойко утверждал, что Невельской знал о плавании Гаврилова, был знаком и с журналом и картой экспедиции.

Однако Невельской впоследствии это категорически отрицал. Но вот за что точно можно ручаться: ни Муравьев, ни Невельской не знали о тайной экспедиции Орлова. Правление компании, прослышав, что для обследования Амура требуется личное разрешение царя, спрятало от греха подальше все присланные Завойко материалы.

Пока в Петербурге готовилось плавание «Байкала», Орлов выполнял очередное задание Завойко, совершая поездку по стойбищам тунгусов между Нельканом и Тунгуром. Это была разведка территории под видом организации меновой торговли. Путешествие заняло у него два месяца.

1849 год на востоке был богат на события. Впервые за всю историю Сибири новый генерал-губернатор Николай Николаевич Муравьев вместе с женой побывал на Камчатке и был в Аян. Там он предполагал дождаться Невельского со сведениями об Амуре. Невельской действительно проявил невероятную энергию, чтобы, не теряя ни минуты, прибыть в Петропавловск. Плавание прошло успешно, он сдал груз, принял балласт и немедленно отправился к устью Амура. Но ещё до своего приезда в Аян генерал-губернатор прислал туда курьера с копией инструкции Невельскому. Подлинник к тому времени не был утверждён царём. Формально Муравьев и Невельской действовали на свой страх и риск.

Ещё в пути на Камчатку Муравьев узнал, что из Петербурга по высочайшему повелению отправлена особая экспедиция под руководством подполковника Николая Христиановича Ахте с предписанием оказывать ему любое необходимое содействие для быстрейшего выполнения работ по установлению границы с Китаем на основе сведений, доставленных Миддендорфом. Эта нежданно-негаданно появившаяся экспедиция могла привести к тому, что Амур оказался бы на китайской территории. И тогда Муравьев решился на беспрецедентный шаг: он нарушил священное – волю царя. Генерал-губернатор приказал любыми способами задерживать Ахте в Иркутске до его возвращения. Между тем о «Байкале» не было никаких известий. Транспорт будто провалился куда-то.

Терять напрасно время, дожидаясь Невельского, не позволяла обстановка. Генерал, наслышанный об Орлове, распорядился отправить его на поиски «Байкала», в сопровождении служащих компании на двух байдарках. Один из ближайших сотрудников генерал-губернатора, Михаил Семёнович Корсаков, осмелился возразить, что путешествие это «отважное и трудное и вместе с тем кажется и бесполезное, потому что Орлов... огибая заливы, вероятно, не успеет застать «Байкал» в Амуре».

Корсаков знал, что говорил, сам занимался безуспешными поисками Невельского на боте «Кадьяк».

И всё же Орлов совершил невозможное – сумел отыскать Невельского!

Описание этого события Невельским и Завойко отличаются и в мелочах, и в главном. Невельской, по его словам, произвёл обстоятельное обследование лимана и устья реки, хотя всё-таки оговорился, что это была не подробная опись, а лишь обзор. Перед возвращением он заметил в заливе Николая две байдары, в которых находились служащий Российско-американской компании Орлов и пять гребцов.

Орлов же доложил Завойко, что он наблюдал за судном, которое не показывало флага и шло к Татарскому проливу. Там парусник сел на мель, да так плотно, что команде пришлось выгрузить на берег балласт и стягивать судно с мели в течение трёх суток. Затем освободившиеся шлюпки промеряли фарватер, но из-за падения уровня воды через сутки вернулись к судну. Судно направилось в море, однако на небольшом удалении от Шантарских островов попало в штиль и не двигалось. Когда стемнело, наблюдавший за ним Орлов на байдарке приблизился к паруснику, чтобы послушать, на каком языке разговаривает команда. Услышав знакомые идиоматические выражения, которые ни с чьими другими не спутаешь, подошёл вплотную и спросил название судна. Ему ответили, что это «Байкал». Тогда он назвал себя и сообщил о поручении от генерал-губернатора.

Невельской пригласил его на борт. Орлов рассказал командиру транспорта о прибытии в Аян генерал-губернатора и о предпринятых розысках. Передал он Невельскому и все сведения, которыми располагал об Амуре. «Байкал» немедленно направился в Аян. Орлов со своими байдарками прибыл с транспортом одновременно и обо всём доложил Завойко. Они оба сто-

яли на пристани, когда Муравьёв, сгорая от нетерпения услышать новости, направился к «Байкалу» на катере. Генерал ещё не успел подойти к транспорту, как Невельской торжественно отрапортовал в рупор, что глубина на бере Амура 19 футов, все препятствия к занятию Амура устранены, а в устье произрастает строевой корабельный дубовый лес, можно строить стопушечные корабли и выводить их в океан.

У разных авторов воспоминаний содержание этого доклада излагается в разных вариациях. В записках Невельского корабельный дубовый лес уже не упоминается. Но что здесь удивительного: все задним числом становятся умнее и по прошествии многих лет пишут не совсем так, как рапортовали первоначально. Муравьёв, выслушав на судне подробный доклад командира «Байкала», приказал ему немедленно изложить письменно всё, что тот доложил.

Завойко кипел от негодования. Он знал от Орлова, что «Байкал» в Амур не входил, южный фарватер и лиман полностью не проверены, да ещё какой-то строевой корабельный дуб появился вместо окрестных болот и мелколесья. Северный фарватер до Невельского обнаружили и промерили Гаврилов и Орлов. Возмущение Завойко было таким, что он пренебрёг субординацией и правилами приличия, отказавшись присутствовать на ужине в честь прибывшего с такими радостными вестями Невельского, несмотря на приглашение Муравьёва. Не помогли даже уговоры посланной за ним молодой красивой француженки, знаменитой виолончелистки Лиз Христиани. Она путешествовала вместе с губернаторской четой.

На следующее утро у Муравьёва с Завойко состоялся нелёгкий разговор. Генерал-губернатор допускал, что начальник фактории прав. Но в кармане у него лежал рапорт Невельского, и вся ответственность за достоверность сведений была на капитан-лейтенанте. Муравьёв слышал именно то, что с нетерпением желал услышать, то, о чём они говорили с Невельским в Петербурге. Теперь генерал торопился отправить в столицу рапорт, чтобы получить разрешение на занятие устья Амура, где, как он уже знал, никаких китайцев не было. Именно это обстоятельство давало возможность получить доступ к реке. А смогут входить в неё океанские суда или нет – вопрос даже не второй, а десятый, но только для генерал-губернатора, а не для Петербурга. Теперь этот козырь он выбивал у своих оппонентов из рук.

Но Муравьёв не собирался брать на себя ответственность за сведения, доставленные Невельским. Он приказал капитан-лейтенанту сдать в Охотске транспорт, а самому с офицерами прибыть в Якутск, а затем в Иркутск, где они будут находиться в ожидании зимнего пути. Генерал-губернатор распорядился, чтобы время ожидания использовалось для подготовки материалов по обследованию Амура. Он хотел, чтобы Невельской лично доложил обо всём высшему руководству. Действия Муравьёва были вполне логичными.

Теперь ему оставалось решить, как поступить с Завойко. Дело в том, что ещё до прибытия «Байкала» в Аян он внимательно выслушал доклад Завойко об исследованиях Орлова в устье Амура, об экспедиции до границ Кореи. Начальнику фактории показалось, что генерал слушает его сочувственно, и он признался, что тайно строит шхуну для поиска незамерзающего порта южнее Амура. К его изумлению, Муравьёв жёстко заявил, что все амурские дела берёт на себя и запрещает любые затрагивающие их действия без своего личного указания. Это был щелчок по носу самостоятельному, энергичному и инициативному начальнику фактории и Аянского порта, которого тот не ожидал.

Завойко был убеждён, что доклад Невельского лживый. Он так и заявил генералу: «Невельской – государственный лгун!» Капитан 2-го ранга был неробкого десятка, трепета перед начальством не испытывал, и Муравьёв понимал, что тот будет где угодно и перед кем угодно отстаивать свою точку зрения. Конечно, начальник фактории – не бог весть какая фигура, но Николай Николаевич Муравьёв ещё в боях на Кавказе накрепко усвоил: никакого противника нельзя недооценивать. К тому же было бы крайне досадно иметь оппонентом человека, которого хотелось бы видеть другом. Николай Николаевич понимал, что имеет дело не с заурядным карьеристом, а с самолюбивым, но глубоко порядочным человеком, что само по

себе уже являлось большой ценностью. Таких людей Муравьёв оберегал и старался продвигать по службе. Поразмыслив, генерал нашёл прекрасный выход из положения.

Он предложил Завойко контр-адмиральскую должность военного губернатора Камчатки. Если же в столице на это не пойдут, он пообещал, что всё равно добьётся его перевода к себе в штаб на генеральскую должность. Таким образом, самолюбие упрямого капитана 2-го ранга было удовлетворено, а мысли отвлечены от Амура. Забегая вперёд, скажем, что годы губернаторства Завойко были золотым веком для Камчатки и её обитателей.

Что касалось Орлова, то генерал приказал отправить его вновь на Амур в разведку, под прикрытием торговой экспедиции, на этот раз для наблюдения за вскрытием реки ото льда. К тому времени в жизни штурмана произошло важное событие. Он женился. Невесту ему сосватал Березин, с которым они очень подружились. Далеко искать её не пришлось, она приходилась тому племянницей. Звали невесту Харитина, она была дочерью титулярного советника Михаила Фёдорова, служившего в якутском управлении. Сватовство длилось недолго. Венчались Дмитрий Иванович и Харитина в Аяне. Жена знала о трагедии Орлова, но никогда с ним на эту тему не разговаривала. Харитина была настоящей сибирячкой, немногословной и сдержанной в своих чувствах. Она вышла замуж за Орлова, несмотря на значительную разницу в возрасте. Ничего удивительного в этом не было, так заключалось большинство браков в те времена.

Разумеется, время и перенесённые страдания оставили след на внешности Орлова, но на него по-прежнему заглядывались женщины. Не осталась равнодушной и Харитина. Орлов надеялся, что семейная жизнь притупит боль в душе, которую постоянно носил с собой.

Он ошибся.

23 февраля 1849 года, выполняя приказ Муравьёва, ровно через месяц после свадьбы, Дмитрий Иванович выехал в экспедицию на Амур с тремя проводниками, 40 оленями, шестимесячным запасом провизии и товарами, предназначенными для подарков и мены с обитателями Приамурья. От Аяна до реки Уды он добрался довольно быстро, но дальше начались большие трудности: сильные морозы, очень глубокий снег. Бедные животные выбивались из сил, к тому же оленям трудно было добывать из-под глубокого и плотного снега корм. Продвигались медленно. Ночевали в снегу. Из-за частых метелей проводники сбивались с дороги. Орлов вёл свою экспедицию по компасу. Все проводники переболели, не избежал жестокой простуды и Дмитрий Иванович. Десять дней у него держался сильнейший жар, пока наконец он не смог продолжить путь. Они находились в дороге два месяца, но ещё не встретили ни одного селения. Весна в тот год была на удивление ранняя, и это ещё больше затруднило продвижение путников. Реки разлились, нужно было переправляться не только самим, но и перевозить груз, переводить оленей, чтобы они не разбежались. Как ни торопился Орлов, он не успел увидеть момент вскрытия Амура ото льдов. К первому селению гиляков на реке Коль путешественники подъехали 31 мая.

Жители вспомнили Орлова и приняли его так же приветливо, как и в первый раз, но он почувствовал в них настороженность. Гиляки были обеспокоены появлением судна, которое делало промеры у сахалинского берега. Ничего хорошего от приходящих судов они не ожидали. У них имелся печальный опыт общения с командами китобоев, которые вели себя на берегу как грабители, насильники и убийцы. Судя по описанию, судно, о котором спрашивали гиляки, был транспорт «Байкал», но Орлов заверил их, что это были неизвестные, от которых он пообещал им защиту. Привезённые им товары окончательно подняли настроение аборигенов, и они выделили ему проводника в залив Счастья.

На утлой туземной лодке Орлов обследовал берега от залива Счастья до устья Амура и в самой реке. Сделал промеры в Амуре и в канале, соединяющем его с Охотским морем, произвёл опись, выбрал пригодные для основания поселений места. Везде он налаживал контакты с местными жителями.

21 июля Орлов вернулся в залив Счастья, где дождался Невельского, который прибыл туда на транспорте «Байкал» 17 июня 1850 года. Орлов сумел в ужасающих условиях подготовить карту лимана Амура, по которой можно было плавать по Северному фарватеру в Охотское море. Невельской получил бесценный материал для реализации своих планов. В тот момент он испытывал к нему глубокую благодарность. В письме к Корсакову Геннадий Иванович совершенно искренно писал тогда: «Орлов неоценимый человек, прошу, умоляю Николая Николаевича дать ему пенсион, правда, десяти пенсионов стоит. По его милости гиляки так к нам ласковы и просят защиты». К сожалению, потом Невельской изменил своё отношение. Слишком много знал Дмитрий Иванович того, что лучше бы ему не знать.

В столичных правительственных кругах доклад Невельского встретили с недоверием и довольно холодно. Правительство, да и сам Николай I не горели желанием расширять на востоке империю. Чего-чего, а земель в России хватало, дай бог освоить, что имели. Кроме головной боли, эти приобретения ничего не давали. Понадобились энергия Муравьёва и его убедительные доводы о необходимости Амура для России и выгодах, которые это приобретение несёт. Снабжение Камчатки и колоний было крайне затруднённым. Средств на отправку судов из Кронштадта хватало лишь на редкие рейсы на другой конец света. А на лошадях, оленях и собачьих упряжках много не привезёшь. Например, корабельные канаты приходилось рубить на куски, чтобы доставить их по суше. Посмотришь на карту – вроде единая территория, а фактически Камчатка была как заморская колония. Впрочем, и в наше время её жители называют остальную территорию страны «материком».

Доводы Муравьёва возымели действие. Согласились на то, чтобы под видом торговли Российско-американской компании с гиляками основать на побережье Охотского моря, но ни в коем случае не на Амуре, зимовье секретной Амурской экспедиции. Начальником её назначили Невельского, повысив в звании до капитана 2-го, а затем, в соответствии с правилами прохождения службы на Камчатке, и 1-го ранга.

Экспедиция должна была скрытно проводить обследование и опись территорий, прилегающих к реке. При этом всё так засекретили, что запутали руководителей Российско-американской компании на местах, искренно считавших Амурскую экспедицию подразделением компании.

Орлова назначили в подчинение к Невельскому, не предупредив об этом его непосредственных начальников в Российско-американской компании, в результате чего неоднократно возникали недоразумения, из-за которых Невельской выходил из себя.

Штурман доложил Невельскому о проделанной работе и высказал мнение, что зимовье лучше бы заложить в другом месте, где рядом и река, и хорошее береговое сообщение с заливом Счастья. Закладывать зимовье на продуваемой всеми ветрами косе, где шум волн заглушал голоса, не говоря уже об отсутствии питьевой воды и прочих прелестях, было по меньшей мере неразумно. Но переубеждать Геннадия Ивановича было пустое занятие.

Приказы не обсуждаются, и Орлов приступил к строительству зимовья, названного Петровским, а Невельской с двумя гиляками, добрыми друзьями Орлова, убыл на судне в Аян. Гилякам предстояло сыграть роль представителей народа, заветная мечта которого – платить подати русскому царю.

Прибывших «уполномоченных» в Аяне обласкали. Завойко и преосвященный Иннокентий показали им церковную службу, одарили подарками. Невельскому весь этот спектакль нужен был для того, чтобы не только он сообщил Муравьёву о «желании» гиляков войти в состав Российской империи, но имелись бы и свидетели в виде представителей церкви и местных властей.

Всё шло замечательно, по задуманному плану. Невельской решил объявить устье Амура русским владением. Не по своему желанию, а, так сказать, по просьбе местных трудящихся.

На бриге «Охотск» он вернулся с ошеломлёнными неожиданно свалившимся на них счастьем гиляками в Петровское. Там взял на борт ничего не подозревавшего Орлова, с тем чтобы штурман показал ему путь к месту на берегу Амура, где можно организовать поселение.

Хотя ранее Невельской бодро докладывал Муравьёву, что линейные корабли могут входить в Амур, на маленьком бриге делать это он не рискнул. Оставив судно стоять на якорях у входа в северный канал, Невельской и Орлов на двух вельботах прошли до указанного Орловым места на мысе Куегда. Теперь Орлов Невельскому был больше не нужен. Он отправил его обратно на судно. Командиру брига капитан 1-го ранга дал приказание доставить в Петровское жену Орлова с грудным ребёнком. Тот не видел супругу больше года и только по письмам и рассказам знал, что у него родилась дочь. Экипажу брига Невельской велел остаться на зимовку в заливе Счастья «для подкрепления нашего поселения и фактического влияния нашего в этой стране». Помимо олицетворения морской мощи державы морякам предстояло принять активное участие в возведении построек.

Сам же Невельской на вельботе с вооружёнными матросами, прихватив с собой даже фальконет (небольшое чугунное орудие), с двумя местными проводниками, с которыми договорился Орлов, прошёл выше по Амуру, чтобы лично убедиться, что поблизости нет китайцев.

Китайцев не было.

И тогда рядовой флотский офицер, Геннадий Иванович Невельской, принял самостоятельное решение на уровне императора, Госсвета, правительства и ещё бог знает каких высших органов государственной власти России. В решительности ему было не отказать.

Он вернулся назад к мысу, водрузил на тут же вырубленном шесте российский флаг, и объявил ошалело взиравшим на это действие гилякам, появившимся из ближайшей деревушки поглазеть на незнакомцев, что объявляет всё вокруг российской территорией. В заключение краткой речи, из которой они ничего не поняли, он приказал матросам дать залп из ружей, впечатливший гиляков до такой степени, что они в ужасе разбежались. Свежеиспечённый оплот государства на востоке он назвал Николаевским постом.

Оставив несколько матросов из числа гребцов стеречь новое приобретение Российской империи, правда, не сказав, где им спать и чем питаться, как всегда, и не без оснований, надеясь, что российский человек найдёт выход из любого положения, Невельской убыл в залив Счастья. Орлову он приказал принять командование над обоими постами, Петровским и Николаевским, бдительно следя, чтобы ни одно иностранное судно не вошло в Амур. Если же такое случится, то немедленно сообщить капитану, что всё вокруг принадлежит России. Попутно Орлову надлежало организовать строительство жилья и хозяйственных построек в обоих постах, наладить питание людей, организовать торговлю с гиляками. Словом, забот Дмитрию Ивановичу хватало, особенно если учесть, что нужно было побеспокоиться и о жене и грудном ребёнке. Дав все эти ценные указания, Невельской отправился в Иркутск, и затем в столицу, а Орлов приступил к выполнению многочисленных поручений.

Стиль работы Невельского резко отличался от того, какой был у Завойко. Завойко никогда не отдавал приказаний, не убедившись, что подчинённый может их выполнить, и, кроме того, был всегда внимателен к быту, условиям жизни людей, от него зависящих. К сожалению, Геннадий Иванович столь похвальными качествами не обладал.

Не следовало оставлять «Охотск» на зимовку в заливе Счастья. Предупреждали его Орлов и командир брига, что это опасно. Не зря Завойко требовал вернуть транспорт в Петропавловск. Внезапная буря с сильным ледоходом по заливу выбросила «Охотск» на берег так далеко, что там он навсегда и остался. На счету было каждое транспортное средство. Потеря «Охотска» нанесла удар по снабжению восточного побережья.

Невельской появился в заливе Счастья через год. Его ждали там три дома, выстроенные по чертежам и под руководством Орлова, и бранные останки «Охотска» на берегу. Позже по чертежам Дмитрия Ивановича, которому пришлось выступать и архитектором, и строите-

лем, построили три флигеля, казарму, часовню, баню, ледник. В своих записках, перечисляя постройки, как собственные достижения, Геннадий Иванович не поленился сообщить даже о «скотном дворе» для единственной коровы, принадлежавшей ему самому.

Прибытие начальника Амурской экспедиции сопровождалось трагическими событиями. Экипаж барка «Шелихов», перевозивший личный состав и семьи участников экспедиции, в том числе и Невельского с женой, а также запасы продовольствия, наскочил на камень и моментально стал тонуть. Благодаря реакции командира, направившего судно на мель, удалось спасти людей и, позднее, часть груза. Транспорт «Байкал», сопровождавший «Шелихов», сам сел на мель в критический момент и оказать помощь тонущему судну не мог. Спасение прибыло от Орлова с берега. Из Петровского прислали две лодки, на которых перевезли людей. Сам барк спасти не удалось. Это был второй удар по снабжению восточного побережья и Камчатки. Невельские поселились в домике, где провела зиму семья Орлова. В письмах жена Невельского отозвалась о Харитинии Михайловне, что «хотя она и не светская дама, но превосходная личность, очень услужливая и очень добрая». Совместная жизнь в этой коммунальной квартире с крошечными детьми и удобствами на улице продолжалась, пока для начальника экспедиции не построили свой дом. Российским людям не требуется объяснять, что такое жизнь в крошечном домике двух семей с грудными детьми.

Лейтенант Бошняк, один из наиболее выдающихся деятелей Амурской экспедиции, написал о жене штурмана: «Как первой женщине, поселившейся на Амуре, госпоже Орловой принадлежит также честь подвига, украшающего немногих женщин. С переселением на Амур из Якутска положение её изменилось, сравнительно, в несколько раз худшую долю, и конечно имена госпожи Невельской и госпожи Орловой, по всей справедливости, должны занять место в истории Амурской экспедиции».

Можно и должно восхищаться мужеством жён офицеров, служивших в Амурской экспедиции. Но если Завойко, прибыв на Камчатку в качестве губернатора, первым делом занялся вопросами жилья, временно разместив матросские семьи по всем чиновничьим домам, в том числе и у себя в губернаторском доме, то участь семей матросов и казаков, служивших под начальством Невельского, трудно даже вообразить. Тридцать четыре мужчины, холостых и женатых, одиннадцать женщин и девять детей поселили в сарае, площадью около ста квадратных метров. Пол из накатника, одна дверь, ни сеней, ни коридорчика, ни отхожих мест. Обогревали помещение две печки, сложенные по образцу голландских, но без дверец и вьюшек. Они нещадно дымили. На этих же двух печках готовили обед и ужин. Как вспоминал один из участников Амурской экспедиции: «...Когда ни зайдёшь зимою в казарму, в особенности вечером, в ней стоял туман такой густой, что не совсем хорошо было видно. Сырость была так велика, что накатник на полу и стены были сырые. Рамы совсем обледенелые, издающие из себя пар. Если к этому прибавить вонь от нерпичьего жира, который у всех горел вместо свечей, то можете себе представить, каково приходилось этим несчастным людям больше половины суровой зимы при этой обстановке и при недостатке в продовольствии...»

Впрочем, семейная жизнь у Дмитрия Ивановича Орлова с прибытием Невельского практически закончилась. Вместо того чтобы заняться созданием более или менее терпимых условий для жизни людей, Невельский своих подчинённых постоянно направлял в командировки по осмотру новых земель. Делалось это без должной подготовки, «с самыми скудными средствами», по признанию самого Невельского. Расчёт строился исключительно на бессмертные «авось, небось, да как-нибудь».

В лютые морозы уходили офицеры в неведомые края, имея лишь компас, нарты, сухари, чай, нателный крест и «ободрение» от Невельского, что если есть сухарь и кружка воды, то работать можно. Сразу вспоминается пафосное «Надо!» из не столь далёких времен. В этом отношении советская власть ничего нового не открыла, у строителя узкоколейки Павла Корчагина было немало предшественников.

Завойко так с людьми не поступал: был требователен, особенно к офицерам, но в то же время заботлив и внимателен.

Невельской на вопрос вновь прибывшего на службу в экспедицию офицера, где же ему ночевать, широким жестом указал под ближайшую ёлку и занялся другими делами. При таком отношении даже к офицерам что уж говорить о нижних чинах. К счастью, рядом оказался Орлов, который устроил на ночлег растерянного мичмана.

Возможно, у Геннадия Ивановича чёрствость и жестокость были наследственными, передались от мамы. Её ведь дважды судили за издевательства над крепостными, которых она доводила до самоубийства. Вполне логично, что позже он резко выступал против отмены крепостного права и осуждал реформу 1861 года.

Каждая командировка офицеров и нижних чинов была подвигом, каждая была сопряжена с риском для жизни, не говоря уже о подорванном здоровье. Они возвращались до предела измотанные, больные, с ранами на ногах. В пути счастьем было купить или выменять на свои вещи какую-нибудь еду у аборигенов, которые зимой сами жили впроголодь. Приходилось питаться порой и юколой, которой кормили собак, и полустгнившим тюленьим мясом.

Совершенно справедливо название посмертных записок адмирала Невельского начинается со слов: «Подвиги русских морских офицеров...», но кому нужны были эти подвиги? Кстати, по названию можно подумать, что нижних чинов там вообще не было.

Когда сравниваешь подготовку экспедиций Завойко и Муравьёва с подготовкой экспедиций Невельского, то видно бездумное, безжалостное отношение к людям во имя высокой, в его понимании, идеи: поскорее захватить землю, вроде бы ничейную, пока это не успели сделать другие.

Подвигами на Руси не раз заменяли обычную работу. И сейчас, и двести лет назад, большинство подвигов, как правило, совершалось и совершается для исправления чьего-то безрассудства, из карьеристских побуждений, желания угодить начальству или преступной халатности. Причём совершают подвиги совсем иные люди, не те, кто создаёт драматические ситуации. Последние чаще всего прикрывают свою безответственность, или просто подлость, шелухой патриотической демагогии. Особенно часто приходилось наблюдать это на военной службе. Нет нужды приводить примеры – каждый, к сожалению, знает их великое множество.

Осенью Геннадий Иванович отправил Орлова вместе с мичманом Николаем Матвеевичем Чихачёвым на шестивесельной шлюпке вверх по реке Амгуни. Командировка длилась два с лишним месяца. Офицеры вернулись с обстоятельными сведениями, положившими начало дальнейшим исследованиям края. Через месяц, с началом холодов и снегопада, Орлов получил задание от Невельского отыскать пограничные столбы, которые видел Миддендорф, и выяснить, наблюдают ли за ними маньчжуры. Дмитрий Иванович нанял двух гиляков проводниками, и на нартах они тронулись в путь. Вернулся он со своими спутниками под Новый год.

Ночевали два месяца в снегу, иногда при 25 градусах мороза. Каждая ночёвка была пыткой. Если везло, то находили ночлег у жителей какой-нибудь деревушки. Непривычному человеку ночевать в юрте было нелегко. Нарты втаскивали внутрь, чтобы спасти продовольствие от голодных собак. Зловоние в помещении от гнилой рыбы, варева для собак, запаха никогда не мытых человеческих тел, физиологических отправления производило на новичков ошеломляющее впечатление. К этому следует добавить дым от очага и трубок хозяев, которых не курили только грудные младенцы. Завершало всё это великолепие несметное число насекомых и множество крыс, которые, судя по всему, не очень беспокоили хозяев. Аборигены, пораженные знаниями Орлова многих местных языков и наречий, принимали его без страха и откровенно отвечали на вопросы.

Пока опасения по поводу китайцев не подтверждались. Всего в ту поездку Дмитрий Иванович проехал свыше 200 вёрст. Большую часть пустынного дикого пути они с проводниками прошли на лыжах, по колено в рыхлом снегу, прокладывая путь собачьей упряжке. Вернулся

Орлов 23 декабря, а уже 10 января 1852 года он опять попрощался с женой и детьми, чтобы следовать в ещё более трудную командировку. Задор и нетерпение подстёгивали Невельского, хотелось многого и сразу.

В самые сильные морозы отправился Орлов на собаках в Тугурский край, к верховьям рек Уди и Амгуни, где на картах обозначалась граница с Китаем. Ходили слухи, что там обосновались беглые русские каторжники с Нерчинских заводов. Невельской поручил Дмитрию Ивановичу проверить, так ли это.

Орлов сам отыскал себе попутчика, тунгуса, знавшего язык нейдальцев, обитавших по берегам Буреи, и они отправились в неведомые земли. Тридцать девять дней на собаках, оленях и пешком. Двести пятьдесят вёрст в мороз, по горам, заваленным снегом лесам, сквозь метели и выюги.

Дмитрий Иванович составил карту пути, определил широту и долготу всех встреченных селений. Но это было так, безделица, по сравнению с совершённым им открытием.

Не фантастические глубины, обнаруженные Невельским в устье Амура, где и поныне не могут решить проблему улучшения условий судоходства, решили судьбу Приамурья и Приморья, а направление пограничного Хинганского хребта между южными истоками реки Уды.

Орлов привёз сведения, что Хинганский хребет, принятый по Нерчинскому трактату 1669 года за границу между Россией и Китаем, направляется от верховьев реки Уды не к северо-востоку, а к юго-западу. Он убедился в том, что ни в Тугурском, ни в Удском краях, ни вдоль южного склона Хинганского хребта нет и никогда не было пограничных столбов и знаков, которые неведомо как узрел Миддендорф. Посланец Академии наук увидел лишь сложенные местными жителями кучи камней, которыми те обозначали стойбища и удобные перевалы, а фантазия дорисовала пограничные столбы и китайцев-пограничников. Если бы учёный муж удосужился поговорить с кем-нибудь из обитателей тех мест, то ему всё бы доступно пояснили.

Работу штурмана Орлова подтвердил и дополнил лейтенант Николай Константинович Бошняк. Трудом двух самоотверженных офицеров было доказано, что согласно точному смыслу первого пункта Нерчинского трактата весь нижний Амурский и Уссурийский бассейны до моря принадлежат России, а не Китаю. Это открытие полностью меняло ситуацию на Дальнем Востоке. Получив информацию о результатах исследований Орлова и Бошняка, русское правительство изменило свою дальневосточную политику.

Три морских офицера – Невельской, Орлов, Бошняк – и генерал Муравьев совершили переворот в истории Российского государства на востоке.

Но вернёмся к будням наших героев. Амурская экспедиция жила впроголодь всю зиму с 1851 на 1852 год. На год каждой семье досталось по 6 фунтов чая, 10 фунтов сахара и 20 фунтов муки (1 фунт = 409,5 г). Большая часть продовольствия погибла на «Шелихове». Можно, конечно, сказать, что за всё отвечает капитан, но старшим на борту был Невельской, он вмешивался в управление судном. Завойко имел основания обвинять начальника Амурской экспедиции в том, что тот погубил два транспорта, а это не могло не сказаться на снабжении людей. Особенно тяжело приходилось рядовым матросам, казакам и их семьям. Следует ли удивляться появлению цинги, которая быстро распространилась среди обитателей Петровского поста? Болезнь унесла жизни и взрослых, и детей.

С наступлением весны Невельской поручил Орлову заведовать и нижними чинами, и всем казённым имуществом экспедиции. За короткое тёплое время построили очень много, даже примитивный кирпичный заводик. Помимо этого, Орлов по приказанию Невельского отправился в августе на маленьком четырёхвесельном ялике исследовать фарватеры лимана. Погода была отвратительная: хлестал дождь, сильный ветер поднял волнение. В мелководном лимане волны швыряли ялик так, что с большим трудом удавалось удержать его от переворота. Ни о каких измерениях глубин не могло быть и речи в таких условиях. С большим трудом Орлову и матросам удалось догребсти до берега. Назад по Амуру было не вернуться. Тогда он

прошёл в залив Де-Кастри, перетащил с матросами ялик через перешеек у мыса Сущёва и по речушке и озёрам вышел на Амур, по которому возвратился в Петровское.

В ночь с 15 на 16 июля 1852 года пять матросов сбежали на вельботе из Мариинского поста. Малопонятно, на что они рассчитывали, видимо, просто уже не могли терпеть каждодневную каторгу. Невельской организовал преследование. Однако дезертиров не обнаружили. Они сгинули без следа. Не нашёлся даже вельбот. А может быть, преследователи и не очень старались: матросы захватили с собой оружие, ничего хорошего их не ждало, поэтому терять им было нечего.

Все заботы, касающиеся снабжения экспедиции, Невельской свёл к написанию многочисленных рапортов и отношений.

Вместо налаживания деловых дружеских отношений с начальником Аянского порта и фактории Александром Филипповичем Кашеваровым он слал ему предписания, требуя снабдить экспедицию всем необходимым. Тот объяснял, что не может выходить за пределы норм, разрешённых ему правлением. Потеря упомянутых выше судов – удар по компании, он сам не получил из-за этого всего необходимого. И тем не менее Кашеваров из собственных скудных средств кое-что послал Невельскому, на свой страх и риск. Зная, что Орлов и Березин – сотрудники Российско-американской компании, он направлял им рекомендации и указания. Невельской, не считая нужным входить в объяснения с Кашеваровым о том, что они теперь находятся в его подчинении, запретил Орлову и Березину не только выполнять указания начальника фактории, но даже отвечать на его письма. Возникла никому не нужная конфликтная ситуация.

Нарушая субординацию, Невельской слал письма с требованиями поставок продовольствия и вещей первой необходимости в главное правление компании в Петербурге, написанные в таком тоне, будто там сидели его подчинённые. Генерал-губернатор Восточной Сибири был вынужден поставить капитана 1-го ранга на место, сделав ему письменное внушение: «... должен заметить Вашему Высокоблагородию, что выражения и самый смысл этих бумаг выходит из границ приличия и, по моему мнению, содержание оных, кроме вреда для общего дела, ничего принести не может».

Завойко, находившийся не в лучшем положении, организовал на Камчатке заготовку продуктов на зиму и, в первую очередь, противочинготных средств. Ничего этого не сделал Невельской, ожидая помощи из центра.

Вторую зиму в Петровском перенесли ещё тяжелее, чем первую. Она вновь унесла жизни взрослых и детей. Пережили трагедию и Невельские. У Екатерины Ивановны пропало молоко, и грудной ребёнок умер от голода на глазах у бессильных что-либо сделать родителей.

Как бы тяжело ни приходилось мужчинам, женщины страдали больше.

Когда положение стало совсем отчаянным, Невельской приказал Орлову попытаться купить продовольствие у гиляков. Только Дмитрию Ивановичу была под силу такая задача: его местные жители принимали как своего. С кем-нибудь другим они не стали бы даже разговаривать. Избытков продуктов у гиляков не было, но частью они смогли поделиться, однако и это немного очень помогло.

Орлов убеждал Невельского не навязывать насильно гилякам чужих обычаев, не мешать их торговле с маньчжурами. Местное население по распоряжению начальника экспедиции активно крестили, привлекая выдачей новых рубашек и мелких подарков. Два человека постоянно стремились наладить дружеские отношения с местным населением – Дмитрий Иванович и жена Невельского, Екатерина Ивановна. Пытались они оказывать влияние в этом отношении и на Геннадия Ивановича, и на остальных членов экспедиции. Получалось не всегда.

У Невельского были свои методы. Получив сведения от трёх добровольных информаторов из числа местных о том, что в селении Войд ходят слухи о приходе летом маньчжур, которые перережут всех русских, он послал вооружённых казаков и матросов в селение привезти всех тамошних гиляков в Петровское. Потом туда же согнали жителей других трёх поселений.

На их глазах распространителей слухов выпороли, а затем в течение трёх суток заставили таскать брёвна. Умиляет вывод, который сделал из этого случая один биограф, прославлявший Невельского: «Эта мера так хорошо подействовала на туземцев, что между ними и русскими не возбуждалось уже более недружелюбных отношений».

В Петербурге, после изучения сведений, отправленных Невельским о результатах пограничных экспедиций Орлова и Бошняка, правительство сосредоточило внимание на Сахалине, имевшем теперь стратегическое значение для будущих планов империи. С работами на материке можно было подождать, учитывая нехватку людей и средств. Невельской получил приказание Муравьёва направить десант на Сахалин и попытаться его занять. Действовать предполагалось решительно и быстро, чтобы опередить занятие острова европейскими державами и американцами, которые, возможно, об этом даже и не помышляли. Китайцев на острове не было, а японцы не представляли серьёзной угрозы.

Выполняя поручение генерал-губернатора, Невельской стал готовить десант. Для проведения разведки в августе 1853 года он сам направился к западному берегу острова на транспорте «Байкал». Орлова и пять казаков из якутов 13 августа высадили на западном побережье Сахалина.

Орлов двинулся на юг в поисках подходящего места и, как ему было предписано, около 50 градусов северной широты 30 августа основал русский военный пост, назвав его Ильинским. Пост, конечно, громко сказано, но так, по крайней мере, он значился во всех официальных бумагах. После чего, оставив трёх казаков нести службу, заключающуюся в основном в добыче пропитания и устройстве защиты от дождя, направился с двумя другими пешком вдоль берега острова. Невельской приказал ему искать удобную бухту. В пути Дмитрий Иванович производил съёмку берега, делал промер озёр и проток, определял широту, вёл заметки, записывая собранные у местных жителей сведения, имевшие большое практическое значение для последующих действий русских моряков на Сахалине. Ему предстояло пройти восточный берег острова до мыса Крильона. Туда в половине сентября должно было прийти судно, подав условный сигнал – девять выстрелов. Если судно не появится, то ему следовало перейти к заливу Анива.

Путешествие было опасным и тяжёлым. Нередко приходилось ночевать голодными под открытым небом. Только до поры до времени крепкое здоровье позволяло Орлову справляться с такими нагрузками. Ему, самому старшему по возрасту в Амурской экспедиции, приходилось делать работу молодых мичманов и лейтенантов. Невельской с этим обстоятельством несколько не считался, как и с тем, что в отличие от молодых офицеров у Орлова была семья, маленькие дети.

Судно Российско-американской компании «Николай» с Невельским и вновь назначенным для службы в Амурской экспедиции майором Николаем Вильгельмовичем Буссе пришло к мысу Крильона не 15-го, а 18 сентября. Дали условные девять выстрелов, но ответа не получили.

Тогда Невельской приказал перейти в залив Анива и высадить там десант. Русские высадились близ селения, в котором находились айны и японцы. По словам некоторых историков, айны и японцы пытались отпугнуть русских, освещая в ночное время макеты батарей, но документами это не подтверждается.

Невельской писал, что десант высаживали утром, под прикрытием судовых орудий, на вооружённых гребных судах. Никакого сопротивления русские не встретили. Сбежавшимся айнам и японцам Невельской через переводчика объявил, что пришёл, «чтобы их защищать от насилий команд иностранных судов и что поэтому вовсе не желает делать им что-либо дурное; если же они не разойдутся, тогда им будет худо». Неясно, что больше подействовало: радость от появления неожиданных защитников или обещание, что им мало не покажется, если не разойдутся, – но «айны вместо ответа начали кланяться и махать ивовыми палочками, концы

которых были расщеплены в виде метёлок, что вообще у местных жителей означало дружелюбие и гостеприимство».

На берег с транспорта доставили пушки, построили вооружённых матросов и провели церемонию подъёма русского флага, к которому приставили часового. Айны молча наблюдали за всеми действиями пришельцев, размышляя, как всё это отзовётся на их жизни. Отозвалось очень быстро. Размышления длились недолго. Вскоре они уже таскали на своих спинах мешки с продуктами и разное имущество, которого набралось свыше 4000 пудов. Любопытных философов быстро приставили к делу.

Весь день прошёл в трудах, а на следующее утро выяснилось, что японцы из селения исчезли. Невельской приказал привести айнского старосту. Но напрасно капитан 1-го ранга нещадно тряс, схватив за бороду, перепуганного айна, требуя немедленно догнать и вернуть японцев. Старик, когда Невельской отпустил наконец его бороду, с трудом объяснил, что японцев уже не догнать: возможно, они ушли на лодках в море. Махнув рукой на удравших японцев и на потерявшего от страха всякий рассудок старосту, Невельской приказал готовить «Николай» к выходу в море. Командовать новым постом, получившим название Муравьёвский, он оставил майора Буссе.

Особенного беспокойства об Орлове Геннадий Иванович не выразил. Начальник Амурской экспедиции предоставил Буссе право оставить офицера у себя в посту либо отправить его сопровождать первую зимнюю почту в Петровское. Видимо, сведения, которые должен был сообщить Орлов, его не сильно волновали. Совершенно непонятно, для чего тогда он послал в столь рискованную командировку самого опытного из своих сотрудников? И уж меньше всего его трогало, что штурман год не увидит свою семью.

Дмитрий Иванович Орлов пришёл, перебравшись через горы, в Муравьёвский пост лишь 2 октября. Он задержался, потому что вернулся за оставленными им в Ильинском посту казаками, не без оснований полагая, что если не возьмет их оттуда с собой, то они так и останутся брошенными зимой на произвол судьбы.

Буссе был рад увидеть казаков, поскольку сам отбирал этих людей в Якутске. Но делить кров с совершенно незнакомым ему человеком майору, по-видимому, не хотелось. К тому же у него неважно складывались отношения с другим моряком, находившимся в его подчинении, Николаем Васильевичем Рудановским. Он решил, что усиливать «морскую» оппозицию нет смысла.

Так или иначе, Буссе предпочёл не задерживать у себя Орлова. В тот день транспорт «Иртыш», переживавший штормовую погоду в бухте Анива, уходил по распоряжению Невельского на зимовку в Императорскую гавань. Он успел довольно далеко отойти от берега, когда Буссе приказал вернуть «Иртыш». На судне услышали сигнал – три выстрела из пушки – и к вечеру вошли в бухту.

Пока ждали парусник, Буссе успел обстоятельно расспросить Орлова о путешествии. Поручик поделился с ним собранной информацией и представил своего проводника – айна, который спас жизни его и казаков. Потом тот же айн не раз помогал Буссе.

В чём же заключалось это спасение, майор узнал позже от спутников Орлова.

Однажды во время бури штурман и казаки остановились на привал у селения Наиор. Ночью к Орлову пришли два айна, пожилой и молодой. Пожилой что-то сказал поручику, после чего исчез так же внезапно, как и появился, а молодой остался. Дмитрий Иванович приказал казакам срочно собрать вещи и, невзирая на ливень и сгустившийся мрак, следовать за молодым айном. Дорогу освещали только вспышки молний.

Как выяснилось, старик пришёл предупредить Орлова, что японцы, жившие в их селении, собираются вырезать ночью маленький безоружный отряд русских. Молодой айн был его сыном, он оставил его с Орловым, чтобы помочь уйти в безопасное место. Орлов со своими спутниками на туземных лодках по рекам перебрался на восточный берег. В один из переходов

они заметили тринадцать японцев. Пытаясь ввести их в заблуждение, Орлов приказал казакам грести вёслами поочерёдно, как это делают айны. Японцы хитрость раскусили, но предпочли сами скрыться. Встретив ещё троих японцев, Орлов узнал, что все они бежали от Невельского. Штурман попытался убедить беглецов, что им ничего не угрожает, но, видимо, японцы придерживались иного мнения.

«Иртыш» приблизился к берегу, когда стемнело. С помощью фальшфейеров обменялись световыми сигналами. С транспорта на шлюпке прибыл его командир лейтенант Пётр Фёдорович Гаврилов с рапортом. Угостив всех чаем, Буссе проводил офицеров к шлюпке и распрощался с Орловым, уже пожалев, что не оставил у себя этого умного и опытного человека.

13 октября «Иртыш» благополучно вошёл в бухту Постовую, что в Императорской гавани, где находился Константиновский пост. Императорскую гавань открыл лейтенант Николай Константинович Бошняк. Ему Невельской и поручил командование вновь учреждённым постом. Пост был организован по типичному для Невельского образцу: в пустынное место высадили людей, а дальше сами выкручивайтесь, как умеете. Жильё было не готово, продуктов на зиму не хватало. Бошняк ломал голову, как ему продержаться до весны, и вдруг, как снег на голову, к нему в пост прибыли на зимовку транспорт «Иртыш», а позже корабль Российско-американской компании «Николай I». Вместо двенадцати человек на берегу пустынного залива собралось около девяноста, и руководил ими молодой лейтенант. Вот уж воистину, на бедного Макара все шишки валятся. Командир «Иртыша» Гаврилов докладывал Невельскому, что ему нужно возвратиться в Петропавловск, откуда он прибыл на лето в распоряжение начальника Амурской экспедиции.

Транспорт был обеспечен продовольствием только на три месяца плавания, а экипаж не имел тёплых вещей. Кроме того, судно подлежало серьёзному ремонту: верхняя палуба была в таком состоянии, что по ней опасно было ходить, нижние ванты, снасти стоячего такелажа, которыми укрепляются мачты, служили 13 лет и были ненадёжны, медные листы обшивки кое-где отвалились, появилась течь. Невельской никак не прореагировал на рапорт командира. Просить потом снова Завойко прислать судно не позволяли амбиции. Моряки «Николая» решили зимовать на судне, на «Иртыше» это было невозможно. Пришлось из сырого леса строить на зиму жильё. Помог Орлов, накопивший изрядный опыт строителя. К его советам внимательно прислушивались. Он был старше всех по возрасту, прошёл огонь, воду и медные трубы. Каждый понимал, что в таких условиях выжить весьма проблематично, поэтому советы бывалого человека были просто бесценными.

20 октября, на счастье зимовщиков, в Императорскую гавань вошла паровая шхуна «Восток» под командованием капитан-лейтенанта Воина Андреевича Римского-Корсакова. Он, увидев и сразу оценив бедственное положение людей, поделился с ними припасами и даже распорядился снять стёкла со всех люков, где это можно было сделать, чтобы отдать их для окон зимовья. «Восток» долго не задерживался. Римский-Корсаков выполнял задание вице-адмирала Ефима Васильевича Путятина, прибывшего со своей эскадрой в Японию. Но даже то небольшое, чем он помог, выручило зимовщиков.

Внезапно наступили холода. В России, по традиции, всё всегда наступает внезапно, особенно зима. Повалил снег. Вскоре из-за сугробов было никуда не пройти. Время тянулось мучительно долго. Из развлечений – только спиртное, хорошо хоть выручил им Римский-Корсаков. Продукты растягивали, как могли. Не только количество, но и качество их оставляло желать лучшего. Редко когда удавалось подстрелить ворону. Тогда начиналось пиршество. Но скоро всех ворон истребили. С ужасом ждали страшную спутницу зимовщиков – цингу. И она не замедлила явиться. Появилась одышка, сильное сердцебиение, боль в коленях и мышцах ног. Лица у людей стали опухать. После нажатия пальцем оставалось углубление. Кожа шелушилась, покрывалась разноцветными пятнами. Из распухших, кровоточащих дёсен стали выпадать зубы. От слабости, лихорадки и высокой температуры люди не могли подняться. Не было

ничего: ни лекарств, ни продовольствия, ни врача. Обязанности врача выполнял полупьяный и полубольной фельдшер, который потом и сам слёг. Люди умирали один за другим. Не было сил рыть могилы в промёрзшей земле. Стало ясно, что до весны не доживёт почти никто. Помощь можно было найти только в Петровском, но кто рискнёт в самые морозы, когда все едва тащили ноги, отправиться почти на верную смерть?

Вызвались сделать это Дмитрий Иванович и казак Кир Белохвостов. Они изготовили нарты, на лыжах добрались до ближайшего селения гиляков. Там Орлов купил 10 собак, и на две недели корма для них и продовольствия для себя и казака. Дмитрий Иванович надеялся, что успеет сделать переход за это время, как когда-то прошёл путь до корейской границы.

Но поручик ошибся, силы и здоровье были уже не те, что раньше.

Между тем в Константиновском посту дела становились всё хуже и хуже. Орлов ещё как-то поддерживал товарищей, но, как записал Бошняк, «...с отъездом Орлова ещё больше осиротели». Лейтенант единственный держался на ногах. Хоронить товарищей ему одному было не под силу, поэтому трупы он просто засыпал снегом, чтобы не привлекать диких зверей.

Неизвестно, мучили Невельского мысли о судьбе оставшихся в Императорской бухте людей, или нет. Но он не додумался ни до чего лучшего, как послать для обследования пути в Императорскую бухту недавно присланного из Петербурга мичмана Александра Ивановича Петрова.

Наверное, всё-таки провидение существует. Надо же случиться такому, что Петров и Орлов встретились, когда до ближайшего жилья оставалось трое суток пути!

В заснеженной пустыне, где на сотни вёрст вокруг не было живой души, Петров внезапно увидел двух гиляков. Впрягшись вместе с тремя собаками, они тащили маленькие нарты. Когда они приблизились, то мичман и его проводники увидели, что и люди, и собаки были похожи на живые скелеты. После первых излияний радости гиляки сказали, что встретили в дороге Орлова и его спутника. Им было по пути. Несколько суток они ехали вместе. Гиляки помогали Орлову, идя впереди и прокладывая лыжами дорогу. Продукты у всех закончились. Убивали ездовых собак и питались их мясом.

Орлов и Белохвостов окончательно обессилели и не могли идти. Гиляки оставили их и пошли вперёд, чтобы привести помощь. Но они не были уверены, что она поспеет вовремя, и сказали Петрову, что Орлов и казак обречены, скоро умрут от голода, как и их оставшиеся в живых собаки. Услышав эту страшную весть, мичман забыл о своей усталости и болезни. Его отправили в командировку больным. Петров надел лыжи и бросился по следу, оставленному в снегу гиляками. Своим каюрам мичман велел догонять с нартами.

Начинало смеркаться, а вскоре и совершенно стемнело. На счастье Петрова, небо было безоблачным, и полная луна освещала путь. Вспышка энергии у мичмана прошла. Он ощутил невероятную усталость и едва передвигал ноги. Наконец силы окончательно оставили его, и Петров упал на снег. Ему оставалось надеяться, что он не сбился с дороги и каюры наедут на него. Александр Иванович уже замерзал, когда сквозь дремотное сознание услышал их голоса. Вскоре он почувствовал, что его кладут на нарты. Каюры продолжали путь по освещаемому лунной следу. В чаще леса вдруг послышался вой собак, чему все обрадовались. Когда Петров приблизился к костру, у которого сидел Орлов, он не узнал его в старике с седой бородой и невероятно исхудалым обмороженным лицом. Не лучше выглядел и казак. Офицеры обнялись, и оба заплакали от радости.

Орлов показал мичману кусок чёрного сухаря, который он по крошечкам ел третьи сутки, а его каюр-казак в тот день доел последний клочок пузыря для хранения нерпичьего жира. Собаки не ели три дня и идти не могли. Когда на вопрос Петрова, сколько времени он в пути, Орлов ответил, что завтра будет месяц, мичман похолодел. У него уже не было половины провизии, а прошло лишь несколько дней, как по приказу Невельского он выехал из Мариинского поста. Ему было сказано, что он доедет до места за двенадцать дней. Если бы не произошла

эта невероятная встреча, их всех ждала голодная смерть. Впоследствии Петров писал в своих записках об Орлове: «Он, конечно, вспоминал свою семью, и рвался к ней, и несколько раз крестясь, благодарил Бога за свое спасение, говоря: “Вероятно, за меня усердно молятся”. Я не мог смотреть равнодушно на этого уважаемого семьянина и душевно благодарил Бога, что был его спасителем». Они сидели у костра, переживая испытанное потрясение и случайность их спасения. Видимо, это побудило каждого из них поделиться самым сокровенным. Петров услышал из уст самого Дмитрия Ивановича историю его любви, случившейся трагедии, и даже о планах бежать на «Уналашке» в Америку. Память о Наталье Пахомовой продолжала терзать его душу. Нужно отдать должное порядочности мичмана: тот рассказал эти подробности, когда большинства участников тех событий не было в живых, а юный мичман стал пожилым контр-адмиралом.

Петров решил вернуться вместе с Орловым. Изучать дорогу в Императорскую гавань не было необходимости. Да и что бы дало его появление в Константиновском посту, если бы случилось чудо и он выполнил приказ Невельского, добравшись живым до места? Стал ещё одним лишним ртом для людей, умиравших с голода?

Петров отдал половину своих собак и провизии Орлову и его казаку, и ранним утром 29 декабря они направились в Мариинский пост.

В Мариинском посту, несмотря на своё состояние, Дмитрий Иванович задерживаться не хотел. Петров и оставшийся за начальника поста мичман Григорий Данилович Разградский не стали его уговаривать отдохнуть и набраться сил, хорошо понимая желание штурмана скорее увидеть жену и детей. 31 декабря Орлов выехал в Петровское. Свою семью он не видел полгода. Офицеры не решились отпустить его одного, и Разградский поехал вместе с ним. Они доехали до Петровского 10 января 1854 года. Разградский передал Невельскому письмо от Петрова. Тот докладывал: «Бог спас меня и Д.И. Орлова от голодной смерти. Когда я его встретил, он уже ехал месяц, а у меня провизии и корма оставалось самое большее на семь дней. Я его встретил в ужасном положении с последним куском сухаря, который он сосал третий день. Собаки его два дня сряду от голода не шли с места. Я чувствую себя, как будто весь избит. Отдохнут собаки, дня через два, отправлюсь к Вам...»

Незадолго до возвращения Орлова в Петровское гилык передал Невельскому отчаянное письмо Бошняка с просьбой о помощи, написанное 27 ноября. Это письмо передавалось от селения к селению по цепочке. Но только возвращение штурмана заставило Невельского действовать. Рассказ и внешний вид Орлова потрясли людей. Начальник Амурской экспедиции приказал Разградскому и Петрову собрать обоз с продовольствием, медикаментами, уксусом и водкой для доставки в Константиновский пост. Продовольствия было кот наплакал, поэтому офицеры купили у гилыков четырёх оленей. Но никто из местных жителей не соглашался вести их в Императорскую гавань. На перевалах лежал глубокий снег, и люди не хотели рисковать.

Тогда повели обоз Разградский и два казака. Он дошёл до устья реки Хунгари, и там Разградский уломал-таки несколько местных жителей доставить в Императорскую гавань нарты с продуктами. Вместе с ними он прошёл свыше четырехсот вёрст к верховьям реки Мули. До Константиновского поста оставалось ещё двести вёрст. Непонятно, почему, когда оставалось практически всего ничего до цели, Разградский поручил казакам и каюрам продолжить путь в Константиновский пост, а сам 1 февраля повернул обратно в Мариинское. Единственно возможное объяснение – он не нашёл в себе сил увидеть то, чего с ужасом ожидал.

Узнав об этом, Орлов, ещё окончательно не оправившись после своей трагической одиссеи, невзирая на протесты и мольбы жены, вновь направился в Императорскую гавань. С собой он взял проверенного товарища, казака Белохвостого, у которого тоже душа болела об оставленных товарищах. Погрузив на нарты последние крохи продовольствия для Константиновского, они пустились в путь. Орлов появился в Императорской гавани почти одновременно с каюрами и казаками Разградского.

Возвращение Орлова вселило надежду умиравшим людям. Но даже он, не раз заглядывавший смерти в глаза, содрогнулся, увидев состояние зимовщиков.

Командир «Николая», Мартин Фёдорович Клиновстрем, был вольнонаёмным штурманом. В рапорте правлению Российско-американской компании, меньше всего думая о субординации, он резал правду-матку: «...почти все, не исключая офицеров и штурманов, страдали и лежали в болезнях, из которых цинготная в разных видах была самая губительная: труднобольные ещё есть, и чем эта печальная драма кончится, неизвестно... Люди по большей части иссохли, исхудали, и другие, так сказать, двигаются и ходят, как тени и скелеты, с лицами жёлтыми, как воск, и стоит только другому, так сказать, глаза закрыть – и мертвец готов».

Двадцать девять крестов появились после этой ужасающей зимовки на мысе Сигнальном в Императорской гавани. Умер каждый третий. Лейтенант Бошняк физически оказался крепче всех, единственным оставаясь на ногах, хоронил умерших товарищей. Но он надломился душевно. В его коротких воспоминаниях есть слова, обращённые к человеку, которого он не захотел назвать по имени: «Кому случалось видеть смерть честного русского солдата, тот поймёт меня, если я скажу: безбожно и грешно жертвовать их жизнью для личных видов!» У него стала развиваться душевная болезнь. Свои дни Бошняк закончил в лечебнице для умалишённых в Италии.

17 апреля в гавань вошёл корвет «Оливуца». Его командир капитан-лейтенант Николай Николаевич Назимов, ознакомившись с обстановкой, сразу же направил к больным врача со всеми необходимыми медикаментами, организовал питание людей. От него же узнали о начавшейся войне с Англией и Францией. Теперь оставалось ожидать прихода вражеской эскадры. Назимов имел приказание снять с Сахалина Муравьёвский пост, который не мог оказать никакого сопротивления противнику. Орлов отправился вместе с ним, чтобы помочь вместе с другими офицерами организовать эвакуацию имущества. В Императорскую гавань он вернулся на пришедшем для помощи транспорте «Иртыш». На нём же Орлов перешёл в Де-Кастри. Там его встретил Невельской, который приказал ему следовать на Амур, где предстояла встреча сплава русских войск под командованием генерал-губернатора Муравьёва. Орлову вменялась лоцманская проводка барж в Николаевский пост. С этим поручением штурман успешно справился. Но с другим ему не повезло.

Муравьёв и адмирал Путятин хотели укрыть фрегат «Паллада» на Амуре. Помимо военных планов там примешивались и личные причины. Если бы удалось ввести «Палладу» в Амур, то все критики Муравьёва прикусили бы языки. Но как ни старался Орлов на неуклюжем слабосильном пароходике «Аргунь» отыскать достаточно глубокий фарватер, ему это не удалось.

С «Паллады» перевезли на берег все грузы, даже убрали часть людей, чтобы добиться минимальной осадки, однако все труды и усилия были напрасными.

Ложь Невельского была очевидной, но об этом никому не хотелось говорить.

«Палладу» отвели в Императорскую гавань, а позже, по приказанию Завойко, назначенного командовать морскими силами на востоке, затопили, чтобы не дать повода противнику хвастаться захватом фрегата, который на самом деле представлял собой просто блокшив.

К слову сказать, впоследствии каждый водолаз, спускавшийся к «Палладе», считал своим долгом отвинтить, отломать, отрубить какую-нибудь деталь фрегата. В советское время местное флотское начальство любило делать подобные подарки партийным функционерам и московским чинам: не все из них читали роман Гончарова «Фрегат «Паллада», но даже двоечники о нём слышали в школе. Иметь кусок знаменитого судна было престижно.

Дмитрий Иванович Орлов по 1855 год командовал наблюдательным постом в Петровском. Это было, пожалуй, самым спокойным временем его семейной жизни. Жилось в Петровском несладко, но по крайней мере его никто не дёргал в командировки: Невельского, который его очень невзлюбил, фактически отстранили от дел, всем руководил перебравшийся с Кам-

чатки Завойко. Василий Степанович к тому времени блестяще отбил десант противника в Петропавловске, без потерь перевёл к Амуру все суда, перевёз гарнизон, жителей и всё имущество.

В 1855 году Орлову присвоили звание поручика, которого он лишился шестнадцать лет назад. Закончилась война, уехали добрый и злой гении – Завойко и Невельской.

Дмитрия Ивановича перевели в Николаевск, началась обычная морская работа, наконец-то без подвигов. В 1857 году за отличие по службе ему присвоили звание штабс-капитана корпуса флотских штурманов, вернули личное дворянство. На воспитание детей доплачивали 180 рублей серебром. У него их было уже четверо. Деньги были нужны, в Николаевске ничего дёшево не стоило. Со старшими, дочерью Сашей и сыном Васей, науками занимался Петров, уже лейтенант. Школы в посёлке ещё не было, и Петров сам предложил свои услуги. Дмитрий Иванович командовал пароходиком на Амуре, часто отсутствовал. Помощь Петрова Орловы приняли с большой благодарностью.

Перенесённые испытания аукнулись смертельной болезнью. В 1859 году Орлов заболел. В первый день Пасхи он надел мундир с наградами и сделал несколько визитов друзьям. Больше из дома Дмитрий Иванович не выходил. Он жаловался Петрову на холодность жены и на то, что она мало ему уделяла внимания. Но его друг считал, что Харитина Михайловна была сдержанной по характеру, а четверо детей отнимали её время. Детей Дмитрий Иванович любил. За день до смерти он сказал Петрову: «Мне не хочется умирать, потому что жаль оставить после себя эту мелочь», – и, показав на детей, заплакал.

Штабс-капитан Орлов скончался в июне 1859 года. После его смерти вдова распродала скудное имущество и уехала из Николаевска в Благовещенск, где, как ей казалось, было легче прожить на пенсию в 350 рублей, столь тяжко заработанную её мужем.

Фотографии или портреты Орлова не сохранились. А скорее всего, их никогда и не было.

Судьбу Натальи Пахомовой автору выяснить не удалось, а высказывать догадки не хочется.

«Сердце сжалось, я упала духом и залилась горячими слезами...»

Сразу же после венчания Екатерина Ивановна Ельчанинова, девушка застенчивая и строго воспитанная в Смольном институте, проявила характер. Она заявила Геннадию Ивановичу Невельскому, теперь уже мужу, что в Иркутске не останется, а поедет вместе с ним в экспедицию. Капитан первого ранга Невельской незадолго до этого был назначен начальником секретной Амурской экспедиции и отправлялся в самые глухие дальневосточные места. Уговоры мужа и родных на Екатерину не действовали. Она твердо решила разделить с мужем все, что ожидало его в этом рискованном предприятии. Возможно, юная жена в тот момент видела перед собой пример легендарных декабристок, с которыми познакомилась в доме своего дяди, кто знает... Без сомнения, элемент романтики присутствовал в ее решении. Если бы она знала, на что себя обрекает!

Мать Екатерины, Мария Николаевна Зарина, вместе с братом Владимиром остались круглыми сиротами в раннем детстве. Детей взяли на попечение дальние родственники, в сущности, чужие люди. Брата сразу отдали в кадетский корпус. А Марию, как только ей исполнилось 17 лет, выдали замуж за первого подвернувшегося жениха. Им оказался 50-летний смоленский помещик Иван Ельчанинов. Слезы и мольбы девушки не выдавать ее замуж за Ельчанинова попечителей не разжалобили; брат воевал на Кавказе – заступиться было некому. За пять лет замужества Мария родила четверых детей. Один ребенок умер. Муж вел распутный образ жизни, транжирил деньги, издевался не только над крепостными, но и над женой. Тяжелый его характер она терпела ради детей. Муж страдал тяжелым хроническим заболеванием, в конце концов ему парализовало ноги, он покрылся язвами. Учитывая моральную распушенность Ельчанинова, можно догадываться, какое это было заболевание. При всей ненависти к нему, Мария Николаевна посчитала своим долгом сделать все возможное для его излечения и даже возила на Кавказские воды. В ту пору и при ее финансовых возможностях это было подвигом.

Однако жить вместе становилось все невыносимее из-за безобразных скандалов, происходивших на глазах детей. Попытка Марии получить развод оказалась безрезультатной. Она предложила мужу забрать доставшиеся ей по наследству деревни в Симбирской губернии и уехать туда, а взамен отдать ей и детям имение, в котором они жили. Муж согласился, документы оформили, но в последний момент он нарушил данное слово, уничтожил уже готовые купчие и тайно увез старших дочерей Сашу и Катю в неизвестном направлении. С огромным трудом Марии удалось отыскать и забрать девочек, но теперь она жила в постоянном страхе за них.

В отчаянии Мария Николаевна 11 ноября 1843 года обратилась за помощью к всесильному начальнику III Отделения генералу графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу, чтобы тот посодействовал определению дочерей в Смольный институт благородных девиц. Александр Христофорович, которого мы помним как воплощение зла царского режима, был также боевым генералом, героем войны 1812 года и отзывчивым человеком. Когда состоялось его знакомство с семейством Ельчаниновых, выяснить не удалось, но Мария Николаевна обратилась к нему напрямую. Благодаря протекции шефа жандармов 13-летнюю Александру и 12-летнюю Екатерину приняли в средний класс Смольного. Мать, чтобы заплатить за учебу дочерей, заложила свое имение. При поступлении девочек она просила, чтобы их ни в коем случае не отдали распутному отцу. Бенкендорф серьезно отнесся к этой просьбе и написал личное письмо принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому, в ведомстве которого находились

учебные заведения. Он сообщил, что Иван Ельчанинов известен ему не с лучшей стороны и способен из мести забрать дочерей. Генерал просил принять меры, чтобы такого не случилось.

Полковник Владимир Зарин, брат Марии Николаевны, в свою очередь, поручился собственным именем, что по первому требованию, без напоминаний, в случае если мать девочек по какой-либо причине не внесет плату за обучение дочерей, то заплатит он.

Смольный институт давал по тем временам прекрасное образование. Но стоило обучение безумно дорого. Мария Николаевна осталась практически нищей, зато была уверена, что ее дочери не пропадут: аттестат об окончании Смольного давал право преподавания в женском учебном заведении. Девочки с детства были приучены к трудовой деятельности, что редко встречалось в помещичьих семьях.

Через год императрица по ходатайству княгини Трубецкой и по «особому свидетельству начальницы воспитательного Общества благородных девиц об успехах и отличном поведении Александры Ельчаниновой» повелела освободить ее от платы за учебу и зачислить на казенное содержание. Теперь платить нужно было только за одну дочь, но и эти деньги Мария Николаевна собирала с большим трудом. Последний раз она заплатила за полугодие 165 рублей серебром в 1846 году. Затем учебу племянниц оплачивал Зарин – девочки остались сиротами.

Смольный институт, как бы восторженно ни описывали его некоторые историки, был такой же казармой для девушек, что и Морской кадетский корпус, куда собирался поступать их младший брат Николай. Разумеется, розгами девушек не секли, но между этими двумя учебными заведениями было много общего: суровый распорядок дня, одинаковая форменная одежда. Спали и ели в больших помещениях, находились под постоянным надзором не только учителей, но и классных дам, среди которых встречались настоящие садистки. Действовала довольно изощренная система наказаний и поощрений. Встречаться с близкими и родными ученицам Смольного института полагалось еще реже, чем кадетам. В помещениях было холодно, а еда дрянная. Девушки постоянно ходили полуголодными. Обслуживающий персонал воровал и дрова, и продукты.

Однажды Николай I, не обделявший воспитанниц, как и другие члены императорской фамилии, своим вниманием, после жалобы на плохую пищу одной не в меру смелой институтки лично отправился на кухню и, узнав, что девушек собираются кормить ухой, попытлся половником выловить в баке кусок рыбы. Результатом рыбалки самодержца оказались одни лишь голые рыбные кости. Смерив гневным взглядом съжившееся от ужаса институтское начальство, царь тут же покинул Смольный. Всех поваров моментально уволили. Неделью воспитанниц кормили, как положено. Однако новые повара быстро освоились, и все пошло по накатанной дорожке: как воровали, так и продолжили.

Александра и Екатерина окончили Смольный институт в 1848 году. Ехать им было некуда. Имение матери, и без того расстроенное с «помощью» мужа, заложенное и перезаложенное, должно было пойти с торгов. На помощь вновь пришел дядя. Полковник Зарин к тому времени оставил военную службу, женился и собирался поступить в гражданское ведомство. Но планы изменились, когда его старый боевой товарищ, генерал-майор Николай Николаевич Муравьев, назначенный генерал-губернатором Восточной Сибири, предложил ему должность иркутского гражданского губернатора. Зарин приехал в Петербург представиться министру внутренних дел по случаю назначения на должность и, отправляясь в Сибирь, забрал племянниц с собой. Он оказался человеком добрым и отзывчивым, таким же, как и его молодая жена, ставшая впоследствии близкой подругой Екатерины.

Дремотная жизнь Восточной Сибири нарушилась с назначением Муравьева генерал-губернатором. Неизменной темой разговоров во всех гостиных стали преобразования, затеянные новым наместником в Сибири, и события на Дальнем Востоке, главным героем которых называли капитан-лейтенанта Геннадия Ивановича Невельского. Девушки с интересом прислушивались к разговорам о происходящих событиях, тем более что дядя занимал один

из ключевых постов в сибирской администрации. Как и Муравьев, он придерживался либеральных взглядов и не боялся принимать в своем доме декабристов. Общение с легендарными женами декабристов – Екатериной Ивановной Трубецкой и Марией Николаевной Волконской – произвело огромное впечатление на юных романтических особ.

Все уже были наслышаны об открытиях Невельского, знали и о том, что его самовольные действия вызвали гнев в высших правительственных кругах. Поговаривали, что офицеру грозит разжалование в матросы. Все это придавало личности моряка в глазах девушек героический и романтический ореол.

Командир транспорта «Байкал» Невельской и его офицеры установили, что Амур доступен судам с моря, а Сахалин не соединяется песчаными отмелями с материком и является островом, а не полуостровом, как считали многие известные мореплаватели, побывавшие раньше в тех краях. Значение этого открытия для России невозможно переоценить – это понимали все, и уж тем более правительство. Однако Невельской, проводя на свой страх и риск исследования устья Амура, нарушил данные ему инструкции, что могло привести, как считали в Петербурге, к военному столкновению с Китаем. Россия была совершенно не готова к войне на востоке, тем более что на западе назревал конфликт с Турцией и европейскими державами, который действительно закончился Крымской войной. Военный министр Александр Иванович Чернышёв и государственный канцлер Карл Васильевич Нессельроде кипели негодованием и обещали капитан-лейтенанту за его подвиги матросскую рубаху. Иркутское общество в высокую политику не вдавалось, поэтому поступок Невельского считало молодецким и патриотическим, а потому всей душой было на его стороне.

Племянницы губернатора, вырвавшись из Смольного на свободу, наслаждались ею. Они были красивы, умны, образованны, постоянно окружены поклонниками. Притом, что никакого приданого за ними не числилось, недостатка в кавалерах, предлагавших руку и сердце, не было. Не устоял и Геннадий Иванович Невельской, остановившийся в Иркутске по пути в Петербург, куда его вызвали для объяснений.

37-летний моряк, познакомившись с сестрами в доме Зарина, влюбился в Екатерину с первого взгляда. И немедленно сделал ей предложение. Получил отказ. Видимо, воображению девушки этот герой представлялся совсем другим: как говорится, высоким красавцем-принцем на белом коне. А «принц» оказался маленького роста, заикался, лицо его было покрыто оспинами, на голове – редкие рыжеватые волосы. По чести говоря, далеко не красавец. Зато глаза его будто загорались особенным светом, когда он говорил о сделанных им открытиях и планах освоения востока Сибири. В словах и манерах Невельского чувствовались внутренняя сила и уверенность.

Отказ был, конечно, ударом для капитан-лейтенанта, но он не привык отступать перед трудностями и был уверен, что своего добьется. Другие мысли беспокоили в тот момент сильнее: что ждет его в Петербурге? Чем обернется встреча с высшими чиновниками? Ему уже сообщили, что канцлер пообещал офицеру за самовольство матросскую рубаху.

К счастью для Невельского, царь, разобравшись в обстоятельствах дела, ограничился замечанием, а затем обласкал его, назначив начальником секретной Амурской экспедиции. Ему присвоили звание капитана второго, а через неделю – и первого ранга. Окрыленный доверием царя, Невельской поехал к новому месту службы, по пути, разумеется, не миновав Иркутска. На сей раз Екатерина не устояла.

Со свадьбой затягивать не стали: Невельской торопился попасть к месту службы до наступления зимы. Он планировал ехать на Амур один, а жену оставить в Иркутске в доме ее дяди. Обвенчались они 16 апреля 1851 года. И невеста категорически заявила: поедет вместе с мужем, что бы их ни ждало.

Супругу, который был старше почти вдвое, пришлось уступить.

Приданое невесты было нестандартным: меховые одежда и сапоги, мужского покроя одежда, белье из толстого холста и маски в виде колпаков из волосяной сетки для защиты от таежного гнуса. Через три недели после свадьбы, в сопровождении нескольких казаков и двух проводников, они тронулись в путь. Необычное свадебное путешествие началось. Вначале было действительно романтично: плыли на барже по реке Лене, редкой красоты пейзажи, восходы и закаты солнца, окрашивавшие в невообразимые цвета утесы и берега величавой сибирской реки, поросшие лесами, могли вдохновить любого художника. Что уж тут говорить о настроении счастливых молодоженов? Его омрачали лишь короткие стоянки вблизи редких деревушек. Екатерина увидела жизнь простых людей: убогие жилища, кишевшие насекомыми, беспросветную нужду, голод, лица, изуродованные сифилисом. Невельская раздавала оборванным детям и подросткам хлеб и мелочь, торопясь поскорее покинуть селение.

Окончательно романтика улетучилась, когда после водного путешествия пересели на лошадей. Путь лежал из Якутска по выючной тропе, пышно названной Охотским трактом. Вот когда Екатерина поняла, что муж нисколько не преувеличивал, живописуя трудности пути. Действительность превзошла все, что рисовало ее воображение.

Обычно в день удавалось проехать не более 30 верст. Всю дорогу вязли в топких болотах, пробирались сквозь лесные чащи, карабкались по обледенелым за ночь скалам. Иногда тропа вела через глубокие пропасти или провалы, над которыми были перекинuty несколько бревен, изображавшие мост. Голова кружилась от одного взгляда вниз, когда лошадь осторожно ступала на ненадежный настил. Но страшнее всего был таежный гнус, доводивший и людей, и животных до иступления. Ни волосяные сетки, ни одежда не защищали от него. Тело нестерпимо болело от тысяч укусов, на веках и губах образовались волдыри. Во время стоянок приходилось не отходить от костров, дымом которых пропиталась вся одежда.

«Несмотря на все усилия над собой, бывают минуты, когда я ослабеваю и теряю всякое мужество, – писала Екатерина Ивановна сестре. – Однажды, например, нам пришлось переправляться вплавь через глубокую и быструю реку. Разразилась гроза, молния ослепляла нас, а сильные раскаты грома, которые эхо повторяло со всех сторон, отражаясь в горах Яблоневого хребта, пугали лошадей. Дождь лил как из ведра. Ледяная вода текла без удержу по лицу, по рукам, по ногам. Тропинка, по которой мы пробирались, была, кажется, опаснее всех других. Мы проезжали по горным плоскостям, то через ледники, где вязли в снегу, то спускались с крутых скал по голым, почти отвесным обрывам и пробирались по узким скользким дорожкам, загромажденным громадными каменными глыбами. Напуганная, иззябшая, с нетерпением ожидала я той минуты, когда, наконец, нам можно будет остановиться. На мое несчастье прошло немало времени, пока нашли место для отдыха. Оно оказалось под сводом скал, нависших над углублением. Наскоро устроили там палатку, и эта жалкая яма показалась мне раем, когда перед огнем я могла, наконец, просушить одежду и хоть немного обогреться».

Екатерина Ивановна была беременна, беременность проходила тяжело, при скудном выборе еды она почти ничего не могла есть. Но в течение всего каторжного пути ни разу не произнесла слова жалобы, ни разу первой не предложила сделать привал. Бывалые сибирские казаки поражались ее терпению и мужеству. Один лишь муж знал, каких физических и духовных усилий ей это стоило. С болью в сердце наблюдал он, как любимая Катя таяла на глазах.

За 23 дня проехали более тысячи верст. Лошади еле передвигали ноги, некоторые из них погибли в пути, измучились казаки и привычные к невзгодам проводники-якуты. В конце пути, в десяти верстах от Охотска, силы оставили молодую женщину, она потеряла сознание. У Екатерины случился выкидыш, последние версты муж с казаками бережно несли ее, полуживую, на носилках.

Однако очень скоро молодой организм поправился. Едва придя в себя после впечатляющего свадебного путешествия, Екатерина Ивановна принялась помогать мужу в подготовке к переезду в Петровское зимовье, основанное Невельским перед поездкой в Петербург. Распо-

лагалось оно в низовьях Амура на берегу залива Счастья – название, которое можно воспринимать только с горькой иронией после всего, что предстояло испытать там Невельским. Зимовье состояло из трех домиков для офицеров и казармы, где размещался крошечный гарнизон из 30 матросов. Были там еще баня и две гиляцкие юрты, используемые в качестве склада. Рассчитывать на помощь со стороны не приходилось, все нужное следовало везти с собой. Геннадий Иванович собирался оставить жену в Аяне.

Прошел слух, к счастью, оказавшийся ложным, что всех русских в Петровском вырезали аборигены. Появился он, вероятно, из-за того, что не было никаких сведений о транспорте «Охотск», оставленном для охраны зимовщиков в Петровском. Услышав план мужа оставить ее в Аяне, Екатерина Ивановна возмутилась и заявила, что поедет вместе с ним. Геннадий Иванович снова, как и в первые дни их брака, после нескольких часов горячих споров сдался.

Погрузив имущество на транспорт «Байкал», отправились в порт Аян, где завершили все приготовления, погрузили основной состав экспедиции, включая семьи матросов и казаков, на барк «Шелехов». В сопровождении «Байкала» барк, там же плыли и Екатерина с мужем, вышел в Охотское море с его грязно-зеленой водой и мрачными берегами.

На подходе к заливу Счастья «Шелехов» наскочил на камни, обшивка не выдержала, и вода хлынула во внутренние помещения. Судно стало быстро погружаться. Команда и пассажиры выскочили на палубу, успев захватить с собой лишь самое ценное. К счастью, парусник находился недалеко от берега, и командир посадил его на мель. Палубу залило водой. Кричали дети, плакали испуганные женщины. Все понимали, что свежий ветер, который мог налететь в любую минуту, превратит это убежище в братскую могилу. Воды Охотского моря не предполагали к купанию даже летом. Поднялась паника. Невельская переходила от одной группы пассажиров к другой, стараясь успокоить людей. Но ее мужество и выдержка впечатления на них в тот момент не произвели. Это уже потом, когда вспоминали о случившемся несчастье, восхищались поведением Екатерины Ивановны. Тогда же ее никто не слушал и не обращал на неё внимания.

В довершение всего туман сгустился, молочная пелена скрыла все вокруг. Положение людей стало отчаянным. Екатерина сама с трудом скрывала охвативший ее страх: она не только впервые оказалась на судне, но и вообще первый раз увидела море лишь в Охотске. На выручку пришли шлюпки с «Байкала», сидевшего на мели. Превозмогая свой ужас, Невельская отказывалась сесть в первую шлюпку, настаивая, чтобы сначала посадили других женщин. «Забирать этих несчастных. Им страшно, а я знаю, что бояться нечего. Я подожду», – кричала она. Однако муж и офицеры без церемоний потащили ее в шлюпку, на ходу объясняя, что ее героизм неуместно и только отнимает время, которое может стоить кому-нибудь жизни.

Невельской занимался спасением людей и сошел с барка последним, вместе с капитаном. С большими трудностями сняли с мели транспорт «Байкал» и на нем пришли в Петровское. Стояло холодное сырое лето. Сыпал мелкий дождь – «бус». Раскисшая земля огромными комьями налипала на ноги. На берегу под ногами звенела галька. С моря дул пронзительный ветер, поднимающий водяную пыль, громко шумели волны. Близко к домам подступал редкий чахлый лес и кустарник. За питьевой водой нужно было далеко ходить. В долинах близлежащих ручьев – полчища комаров. Геннадий Иванович Невельской, хороший моряк, но довольно непрактичный человек на берегу, место для зимовья он выбрал далеко не лучшее – длинную косу, выдающуюся в море.

Своей сестре Екатерина Ивановна, описывая прибытие в Петровское, писала: «На мне лежит трудная обязанность всех кормить. Иногда это целая задача. Сколько вещей нам недостает...» На первых порах Невельских пригласил к себе жить штурманский офицер Дмитрий Иванович Орлов, занимавший с женой и дочерью маленький домик. В середине октября Невельские перебрались в другой, вновь выстроенный дом. В упомянутом выше письме Екатерина Ивановна писала: «Сердце сжалось, когда я вошла в убогое жилище, где я должна про-

жить столько месяцев, я упала духом и залилась горячими слезами...» Она еще не знала, что это будут не месяцы, а годы.

Даже спустя 20 лет, когда, по сравнению с описываемым периодом, русские посты превратились в поселки, старший врач корвета «Варяг» Владимир Сергеевич Кудрин охарактеризует их в отчете: «Трудно вообразить себе что-нибудь унылее и мрачнее...»

Все имущество Невельских погубило вместе с «Шелеховым», в том числе изящная мебель и пианино, присланные на судне в Аян для Екатерины Ивановны великим князем Константином Николаевичем. Матрос-умелец выстрогал топором для нового дома Невельских стол, лавку и несколько табуреток. В окна вставили склеенные бумагой куски стекол. Дом был построен из сырых бревен, постоянно растрескивавшихся, и хотя внутри стены обтянули корабельной парусиной, от сырости и сквозняков невозможно было избавиться. Сложенные неумелыми руками печи быстро остывали, и зимой вода в ведрах, стоявших в комнате, покрывалась к утру корочкой льда. Положение семей матросов и казаков было еще хуже. Немало досаждали обитателям жалких жилищ полчища крыс, с которыми вели настоящую войну, чтобы сберечь продовольствие.

Екатерина Ивановна с первых дней пребывания в Петровском принялась за устройство жилья, стараясь придать ему мало-мальски уютный вид. Скоро домик Невельских стал своеобразной кают-компанией, где по вечерам собирались усталые подчиненные Геннадия Ивановича. У жены начальника экспедиции был удивительный дар притягивать к себе людей. Казалось, ничто не могло привести в уныние эту жизнерадостную красавицу с огромными голубыми глазами. Что греха таить, вся молодежь, из которой в основном и состояла экспедиция, была в нее влюблена. Даже спустя десятилетия мичманы и лейтенанты, ставшие седовласыми адмиралами, вспоминая Екатерину, называли ее не иначе, как «наша звезда», «светлый и сверкающий луч». Геннадий Иванович боготворил свою жену, всегда ей уступал, несмотря на свою, известную окружающим, любовь к спорам. О Невельском-спорщике ходили анекдоты. Один из моряков рассказывал: Невельской разговаривал с архиепископом Иннокентием, навестившим Амурскую экспедицию, и все время перебивал его. Иннокентию это надоело, он взял свечу и ногтем нанес на ней штрихи, отмерив время, которое каждый участник разговора будет говорить, не опасаясь быть прерванным.

Участникам Амурской экспедиции важно было установить хорошие отношения с местным населением, Екатерина понимала это даже лучше Геннадия Ивановича. Гиляки стали постоянными гостями в доме начальника экспедиции. Они приносили с собой грязь, запахи никогда не мытых тел и собачьих шкур, пропитанных нерпичьим жиром. Но Невельская принимала их так же радушно, как и товарищей мужа. Нередко какой-нибудь из гостей похлопывал ее по плечу, показывая, что у него уже пустая чашка, и хозяйка спешила ее наполнить. Екатерина быстро выучила язык аборигенов и часто становилась переводчицей в переговорах. В то же время она учила их русскому языку и грамоте. Видя в чужеземке благодарную слушательницу, гости подробно рассказывали о крае, своих обычаях, образе жизни, полезных растениях... Хозяйка умело направляла беседу в нужное русло, выясняя все, что могло помочь мужу и его товарищам в исследовании края. Гиляки мелом или концом обугленной палки прямо на полу чертили расположение того или иного пункта, черточками обозначая количество дней, которые понадобятся, чтобы туда добраться. Екатерина после их ухода тщательно переносила рисунки на бумагу. Благодаря этим сведениям удавалось малыми силами исследовать огромные территории.

Невельской не щадил ни себя, ни других, но, если честно, то других не щадил в большей степени. Офицеры в одиночку, с проводником или казаком, на недели уходили в экспедиции. Каждый их поход, учитывая слабую экипировку и снабжение продовольствием, становился игрой в рулетку со смертью.

Частые метели заносили домики в Петровском так, что требовалось прорывать глубокие траншеи к окнам и дверям. Иногда приходилось выходить из дома через чердак. От сырости, холода, недоедания появились болезни. Неустроенность быта, непривычный климат, чувство постоянной тревоги и оторванности от остального мира угнетали людей. Удивительно, как молоденькая неопытная женщина все тонко понимала и сколько делала, чтобы сплотить людей в таких ужасных условиях. И откуда брала она силы, чтобы переносить свою новую жизнь столь мужественно – в Петровском у Невельских родилась дочь, и все вышеописанное Екатерине пришлось пережить, будучи сначала беременной, а затем молодой мамой.

Нужно иметь в виду, что матросы, рядовые участники экспедиции, мягко говоря, не представляли цвет российского флота. Большинство – штрафники, наказанные за воровство, драки, побеги и другие «подвиги». Всякое могло случиться, когда в зимовье оставались один-два офицера. Но обошлось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.